

Lana Meijer
ОПИУМ

Лана Мейер

Опиум

«Лана Мейер»

2019

Мейер Л.

Опиум / Л. Мейер — «Лана Мейер», 2019

Добро пожаловать в Лас-Вегас! Город грехов всегда был пристанищем для смелых и потерянных. Устраиваясь на работу в престижный отель, Джелена не подозревала, что случайное знакомство с боссом казино, Тайлером Куком, навсегда изменит её жизнь. Да ещё и в закрытом клубе «Опиум» – настоящем адском логове, переполненном представителями криминального мира. Неужели Тайлер один из них? Водоворот страсти окунет их в агонию и боль, а Тайлеру придется сделать выбор между любимой женщиной и личным возмездием... В книге присутствует нецензурная брань!

© Мейер Л., 2019

© Лана Мейер, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть 1	14
Глава 1	14
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	48
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лана Мейе

Опиум

Пролог Flashback

Оттого что человек умер, его нельзя перестать любить, черт побери, – особенно если он был лучше всех живых, понимаешь?
Джером Д. Сэлинджер. «Над пропастью во ржи»

Джселена

– Ты уверена, что нас не поймают полиция? – обеспокоенный голос Хлои только раздражает меня, и я уже начинаю жалеть, что взяла сестру с собой.

– Зачем ты вообще увязалась за мной, Хло? Я говорила, что это место не для тебя, – ворчу я, открывая дверь багажника машины нашего старшего брата Митчелла и оказываюсь, наконец, на свежем воздухе. Протягиваю руку Хлое, чтобы помочь ей выбраться из глубин автомобиля.

Да. Мы забрались в Гелендваген старшего брата после наступления «комендантского часа», который установили наши родители. И Митч ничего об этом не знает.

Читаю тревогу во взгляде ее карих глаз, когда Хло стряхивает пыль со своей джинсовой куртки, и хватаю ее за щеки, растягивая по лицу улыбку. Она взволнованно выдыхает. Несмотря на то, что мы очень часто ссоримся, не можем существовать друг без друга. Наша связь нерушима. Мы – половинки одного целого, и так будет всегда. Весь мир может пасть, но мне будет все равно, если Хло будет рядом – эту внезапную, космическую привязанность могут понять только другие братья или сестры близнецы.

Нет ее – нет меня.

Мне стоит чаще вспоминать об этом, когда мы спорим по пустякам.

– В последнее время мы слишком мало проводим времени вместе, и я подумала, что будет здорово пойти сюда с тобой, – Хло поморщилась, когда я сорвала резинку с ее волос, распустив конский хвост сестренки. *Она должна подходить этому месту.* Больше драйва и сумасбродства. Больше риска и безумия.

Но Хлое трудно придерживаться такого стиля жизни и дышать свободно. Моя сестра – будущее всего Голливуда и «надежда нашей семьи» (как говорит папа), гордость всех МакАлистеров, а из-за плотного графика съемок в новом сериале она даже душ принимает по расписанию.

Я добавляю объема ее шоколадным волосам быстрыми и легкими движениями. Нас легко отличить, потому что у нее некоторые пряди высветлены, и она набрала пару лишних килограмм для новой роли. У Хло нет веснушек – их стерли еще несколько лет назад, потому что ее агентам не нравился этот «недостаток». Они и мои хотели тронуть, но я не собиралась отказываться от них.

Раньше друзья отличали нас друг от друга по взгляду. Они говорили, что у Хло он мягкий и наивный, а мой сравнивали с прищуром хитрой лисицы, которая задумала маленькую шалость.

– Тебе нужно сосредоточиться на съемках, а не со мной по гетто¹ разгуливать, – хихикаю я, поправляя свою короткую юбку. Мы прислушиваемся к громкой музыке, которая доносится

¹ В настоящее время словом «гетто» часто называют районы городов США, населенные «цветными меньшинствами» – в

со стороны моста, неподалеку от которого Митчелл оставил машину. Он вышел из Мерседеса пять минут назад и даже не догадывается, что мы сейчас здесь. Брат обычно не брал меня с собой. Все знают, что «Мост» и вечеринки лоурайдеров, байкеров и гонщиков – это не место для пятнадцатилетних девочек. *Это может быть действительно опасно.* И полиция, огромный штраф и гнев родителей – это не самое страшное, что нам грозит.

По крайней мере, так говорит Митчелл. Но он очень сильно ошибается, если думает, что несколько черных парней, торгующих коксом, могут меня напугать. К тому же их там не больше, чем белых, и прежде все тусовки заканчивались безобидно. Это просто место, где все расслабляются, веселятся, знакомятся. Да, некоторые употребляют наркотики, но это не я и не мои друзья. Никто не заставляет меня лезть в гущу событий, в драки, которые иногда случаются после гонок. Обычно я стою в стороне в окружении мальчиков, которые ждут своей очереди погонять в колее под мостом.

Мост на шестой улице до сих пор остается «неофициальной» достопримечательностью Лос-Анджелеса. Раньше по нему ездили поезда, но из-за повышенной сейсмической активности в Калифорнии и некачественного бетона он начал разваливаться, превращаясь в заброшенный мост. Землетрясение в три-четыре бала и на нем уже появляются крупные трещины. Днем здесь часто снимают фильмы, ну а вечером правят короли улиц, изрисовывая канаву под мостом граффити. В этой огромной колее и проходят гонки, на которых вечно гоняет Митч. Бог знает, что еще он тут делает, но это явно не разрешено законом.

Если Хло – гордость семьи, а я – упрямая и неблагодарная дочь со странностями, то Митч... о Митче родители и вовсе уже не говорят. Только молятся о том, чтобы никто не узнал, чем он занимается по ночам после учебы в посредственном колледже.

Я подхожу к мосту ближе, ощущая приятное и теплое покалывание в венах. Нереальное чувство полнейшей свободы. Здесь никто не носит масок, никто никуда не спешит, никто не хочет казаться тем, кем он не является.

Здесь я могу признаться в одной из своих слабостей – я люблю, когда мне страшно. Я люблю адреналин во всех его проявлениях. Его я могу ощутить только здесь, когда представляю, что в любой момент мне придется убежать от толпы полицейских. И все не так, как в сериале, в котором снимается Хлоя, и до недавнего времени снималась и я. А все по-настоящему. И страх тоже. Настолько сильная и яркая эмоция, что крышу сносит от ощущений, накрывающих здесь, и от самой атмосферы этого места.

Я адреналиновый наркоман. В парке развлечений бегу на самую страшную Американскую горку впереди всех парней параллельно успеваю над ними подшучивать.

– Где мы? Мы вообще в Лос-Анджелесе? – Хлоя хмурится, пока мы идем в сторону моста и разглядываем серые стены, исписанные мастерами уличных граффити. Эти рисунки несут в себе довольно кровавый смысл – кости, черепа, символы, отличительные знаки одной из банд, которой принадлежит эта территория. Банды вечно ведут войны за земли, Митчелл как-то рассказывал мне. В основном они устраивают перестрелки из-за наркотиков и территорий, на которых они продаются, а также цвета кожи и нации.

– Добро пожаловать в Боул-Хайтс². Не бойся, Хло, мы потусуемся часик, построим глазки гонщикам, а потом всех разгонит полиция. Я была здесь много раз, Митч брал меня с собой. И как видишь, все в порядке.

– Это выглядит, как другой мир. Как здесь можно жить? – обхватывая себя руками, Хло немного ежится, пугливо оглядываясь по сторонам. Здесь даже небо над нами синевато-серого цвета – это ей не Беверли Хиллз (где живем мы). На самом деле серым оно становится из-за дыма, выходящего из-под колес машин и байков, которые газуют на трек.

основном афроамериканцами, пуэрториканцами, латиноамериканцами и т. д.

² Район Лос-Анджелеса между Даунтауном и восточным LA.

Пока мы направляемся в самое сердце тусовки, на нас постоянно поглядывают парни, собравшиеся в небольшие группы около своих тачек.

– Мне страшно, но я еще никогда не чувствовала себя так... – Хло хитро улыбается, начиная входить во вкус. Еще бы. Когда ты всю жизнь связана по рукам и ногам, вкус свободы действует пленительно. Стоит только один раз вдохнуть, и все: ты зависишь до конца своих дней. А именно здесь это чувствую я – полную свободу от запретов и предрассудков. От правил. От чужого мнения, которое так важно для наших родителей. Многие думают, что родиться МакАлистер – значит родиться под счастливой звездой.

Но для меня этой клеймо, безобразная печать, аркан, который я мечтаю разорвать. Нет ничего хуже, чем ожидания общества и твоей семьи, которые тебе осточертело оправдывать. Когда самые близкие люди не хотят принимать тебя такой, какая ты есть – это тюрьма. Тюрьма, где решетками являются их вечно осуждающие взгляды...

Наконец, мы подходим к эпицентру «вечеринки», и я рассматриваю собравшихся, выискивая своих друзей. Сегодня еще больше народу, чем обычно, громкая музыка и четкие ритмы просто разрывают барабанные перепонки, но к этому быстро привыкаешь. Справа от нас стоят несколько байков Harley Davidson. Я бы прокатилась на любом из них... кстати, неплохая идея, но мой парень Джексон гоняет на спортивной тачке. А пока я с ним, мне не стоит знакомиться с одним из этих байкеров, который «раздевает» меня взглядом прямо сейчас.

– Вон Митч! Нельзя, чтобы он нас заметил, – сообщаю сестре я, поглядывая в сторону тачек с низкой посадкой, которые раскачиваются под *Future feat. Drake – Where Ya At*. Мой брат стоит в окружении толпы афроамериканцев и мексиканцев и о чем-то разговаривает с ними, и судя по их лицам, разговор серьезный.

Мне это не нравится. Митчу двадцать один, и он, конечно, может за себя постоять. Но эти ребята настроены довольно враждебно.

– Они выглядят так... устрашающе, – Хлоя хмурится еще больше и хватается за мое плечо. – Джиджи, у одного из них пистолет!

– Успокойся. Митч постоянно здесь. Это его друзья, – немного неуверенно произношу я и веду сестру в противоположную сторону. Нам лучше держаться от них подальше. Я не расистка, но за черными из таких районов, как Боул Хайтс и Комптон, лучше наблюдать издали. Или не наблюдать вовсе...

– Они все здесь намного старше нас... – Хлоя буквально вцепилась ногтями в мою руку.

– Боже, Хло, если тебе что-то не нравится, иди обратно в машину! – отрезаю я, улыбаясь симпатичным парням, которые смотрят в нашу сторону. Я их не знаю, они не знают меня, но это ненадолго. Я не их тех, кто остаются незамеченными. А Хло – тем более. Все, кто хоть раз включал телевизор или YouTube знают, кто она. В городе нет ни одной улицы, где не висел бы плакат с ее милой мордашкой, рекламирующей хлопья или новый сериал для подростков.

– Размечталась. Здесь слишком круто, – я ухмыльнулась, наблюдая за тем, как сестра с открытым ртом наблюдает за происходящим. Ее хватка давно ослабла, а улыбка стала шире. Не думала, что ей понравится. Это место пропитано атмосферой свободы и нереального веселья, и дело не только в запахе травки, машинного масла и музыки, под которую невозможно не покачивать бедрами. Здесь все такие... разные, не похожие на тех людей, что мы обычно видим в нашей школе – прилизанные детки богатеньких родителей, как и мы сами. Меня всегда завораживали люди, которые выглядят не так, как я – татуировки по всему телу, прокалываемая кожа, «уличный» стиль одежды. Таких я называю «ходячим протестом», вызовом всему обществу, в котором приходится жить мне и Хлое. *В идеальном обществе, где никто не имеет право на ошибку.*

Бeverли-Хилз это Эдем, но он переполнен лицемерами и фальшивыми улыбками.

А эти парни... они не живут в раю, не считают себя Богами. Они имеют право ошибаться, плакать, взлетать и падать. Учиться на своих ошибках, в то время как я не должна их допускать,

иначе «опозорю фамилию МакАлистер». *(Если говорить о приоритетах моей семьи, то их не волнует ничего кроме репутации, денег, и получит ли их дочь Оскар в более раннем возрасте, чем Дженифер Лоуренс).*

С тех пор, как я стала отказываться от съемок, я почти перестала существовать для своих родителей. Конечно, я преувеличиваю, ведь они содержат меня и никогда ни в чем мне не отказывают. Но... я нуждаюсь в другом. В элементарном внимании и заботе, но папа только и делает, что работает, а мама занимается Хлоей. Она ее личный агент, а я предоставлена самой себе. Не скажу, что меня это расстраивает... просто хочу, чтобы моим успехам тоже радовались. Но мое увлечение акробатикой считают «глупой затеей», и говорят, что мой потолок в этом деле – это выступления в группе поддержки. Но это не так. Акробатика – это большой спорт и настоящее искусство, требующее полной отдачи, концентрации и железной воли.

– Привет, Джэл!

– Эй, Джиджи, ты снова здесь. Прокатишься со мной?

– Как зовут твою подружку? – я здороваюсь с ребятами и продолжаю искать глазами Джексона, пока все знакомятся с Хло.

Представители «улиц» выглядят для меня, как идеальное сочетание несочетаемого. Ну и конечно, уверенные в себе и наглые парни, так сильно отличающиеся от ботаников или мажоров из нашей школы, которые без «папочки» в этой жизни и шагу не могут ступить. Совсем недавно я рассталась с одним из таких, но не удивлюсь, если сегодня снова встречу его на «мосту». Уилл Браун везде меня преследует, к тому же сам любит посещать «нелегальные» гонки.

Я не хочу думать об Уилле, потому что родители нас сводят с самого детства. Брауны наши соседи и вечные друзья семьи. Уилл... Иногда его одержимость меня просто пугает. Поэтому я в очередной раз рассталась с ним, и, наконец, вздохнула свободно. Мы постоянно то сходимся, то расходимся. То общаемся, то нет. Не знаю, что я чувствую к Уиллу – мне просто внушили, что Браун тот самый «принц», о котором мечтает каждая девочка. Ему тоже двадцать один, как и Митчеллу, и я не понимаю, что он нашел в пятнадцатилетней девчонке. Я не хочу встретить его здесь, сегодня, к тому же сейчас я с Джексоном.

Отчасти я скучаю по Уиллу, когда мы ссоримся, но его любовь душит, связывает меня по рукам и ногам. Его всегда слишком много.

Я окидываю взглядом толпу парней, большинство из которых старше меня, как минимум на шесть лет, и ищу среди них Джексона. Сегодня он участвует в гонке, и я хочу его поддержать. Мы познакомились здесь, несколько таких вечеринок назад.

– Ты пришла, крошка, – я слышу знакомый голос и чувствую горячие ладони, накрывающие мои веки. *О да, это он.*

– Я не могла оставить тебя без удачи, – убираю его ладони со своего лица. Не успеваю опомниться, как парень разворачивает к себе и прижимается к моим губам. Приподнимает над землей, глубоко целуя. При всех.

Я поглаживаю его сильные плечи и отрываюсь от губ Джексона, потому что недвусмысленные свистки со стороны действуют мне на нервы. Джекс облизывает губы и продолжает смотреть на мои, тяжело дыша, невербально требуя продолжения. В черных глазах горит огонь, и я слишком явно ощущаю его желание.

Чувствую, как мой взгляд, улыбки или даже слова влияют на парней. Я знаю, что ни один не устоит передо мной, если я этого захочу. И я никогда не краснею, не преклоняюсь и не боюсь никого из них потерять. Почему? Парни приходят и уходят, и так будет всегда. А я люблю только себя. И Хлою.

– Надеюсь, малая. Потому что у Тайлера новая тачка и она в два раза быстрее моей...

– Но он не может быть быстрее тебя самого, – нежно шепчу я, крепче обнимая этого малознакомого мне парня.

Тайлер. Такое знакомое имя. Как из забытого, далекого сна, пазла, рассыпавшегося в моей голове на маленькие части.

– Опустить флаг, Джэл? – спрашивает Джексон, пока я поглядываю на Хлою, которая чувствует себя довольно неуютно, стоя в стороне. Но мне нравится Джексон, и я не могу не поцеловать своего мальчика перед началом гонки. Я знаю, что сестра уже в мыслях гадает, был ли у меня с ним секс. Еще не успела сказать ей, что уже познала эту «радость», которая не принесла мне никакого удовольствия. Больно, неприятно. Хло бы никогда не сделала «это» в пятнадцать лет с первым встречным, но для меня это был очередной акт протеста. Шанс словить адреналин, но мои ожидания не оправдались.

– С удовольствием, – я еще никогда не опускала флаг перед стартом гонок. Это так волнительно – слишком много глаз будут смотреть только на меня, в том числе и два гонщика, которым предстоит сумасшедшая схватка.

– Итак, третий раунд! – вздрагиваю, когда музыку делают тише, и над треком раздается голос комментатора. Смотрю на парня, который вещает с импровизированной сцены, сидя на огромных старых резиновых шинах, и говорит в рупор. – Нереальный бой двух лучших друзей – Тайлера Кука и Джексонааааа Холла! Битва Титанов! Как мы уже знаем, долгое время, Джексон был лидером гонок, но сможет ли новый Mustang Тайлера одолеть Chevrolet Camaro Джексона? Скоро увидим! Занимайте тачки, парни! Подготовка к старту! Сегодня мы узнаем, кто пройдет в финал весенних гонок 2017 и сразится с Уиллом Брауном!

С Уиллом? Он тоже здесь? Черт возьми, куда я попала. *Мой настоящий парень участвует в гонке с неким Тайлером Куком, чье имя и фамилия кажутся мне подозрительно знакомыми, чтобы в итоге сразиться с моим бывшим?* Да уж, у меня не самая скучная жизнь.

– Джэл, но ведь это опасно. Скорость сумасшедшая. И они не профессионалы... – неуверенно шепчет мне Хлоя, пока я висну на Джексоне, ощущая его хватку на своей талии.

– Хло, это не кино и каскадеры. Это реальная жизнь. Тебе понравится.

– Но они рискуют жизнями!

– А кто тут ту нас такая зануда? Тебе напомнить, что ты можешь идти домой? – дразню сестру я, но заметив ее надутые губы, отлипаю от Джексона и заключаю в объятиях.

Хлоя крепко обнимает меня, и я кладу голову на ее плечо, чувствуя ароматный запах шампуня. Что-то цветочно-фруктовое. Так приятно, наконец, оказаться здесь с ней, провести вечер вместе. Хлоя – это самое ценное, что подарила мне жизнь. Моя частичка. Мне больно от того, что мы отдаляемся... она слишком рано стала взрослой, на ее плечах лежат все надежды наших родственников.

Но я так ее люблю, что принимаю ее выбор – полностью отдаться своей работе и бежать навстречу мечте. Я буду счастлива, когда моя звездочка покорит всю страну и станет легендой...

– Все это лишь развлечение, Хло. Расслабься. Я с тобой. Еще ни разу, пока я хожу сюда, не случилось ничего страшного. Тот красавчик, кстати, давно на тебя поглядывает, – киваю в сторону высокого блондина, сидящего на капоте своей тачки, без конца разглядывающего Хлою. – Иди, познакомься.

Я обернулась в поисках Джексона, но его уже нигде нет. Он снова подходит ко мне со спины и кладет руку на мое плечо, от чего я начинаю испытывать волнение и трепет, который не ощущала прежде. *Странное чувство.* У меня такое ощущение, что его рука стала тяжелее и увереннее. Поворачиваюсь, резко обхватывая его за плечи, и заглядываю в карие глаза...

И чуть не задыхаюсь от волны ужаса, одновременно чувствуя себя очень неловко. И это при том, что меня почти невозможно смутить. Вместо карих глаз Джексона я вижу огромные синие глаза, такие глубокие и пронзительные, что нет никаких шансов, что это не контактные линзы...

Я не могу оторваться от притягательного взгляда незнакомца, в первый раз в жизни чувствуя, как к моим щекам приливает кровь. Я горю в его руках, пока он прижимает меня к себе так, словно я принадлежу ему.

Когда до меня доходит, что я обняла не Джексона, я тут же упираюсь руками в широкую грудь парня и вырываюсь из его крепкой хватки, больше похожей на тугие путы удава, чем на случайное объятие.

– Полегче, малышка. Тебе лет то сколько и что ты здесь забыла? Джекс сказал отдать тебе флаг, – у обладателя синих глаз еще и чертовски приятный низкий голос, хоть и слегка прокуренный, что добавляет ему шарма очень плохого парня. Пока он оценивающе оглядывает мое лицо и губы, я занимаюсь тем же самым, заострив внимание на том, что почти вся его кожа покрыта татуировками со странными символами, и они не скрывают огромный шрам на его шее. Он выглядит намного старше меня, и даже старше Джексона.

Я бы не сказала, что незнакомец безумно красив в классическом смысле этого слова. Его привлекательность холодная, жестокая, но невыносимо притягивающая, как тьма, к которой так и хочется прикоснуться. Может быть тому виной синие глаза, напоминающие два осколка льда при ночном освещении. А может в уверенности, которая буквально исходит от него вместе с горячим дыханием. Я не знаю, и не хочу знать, в чем дело... но я не могу отвести от него взгляда и, кажется, он от меня тоже.

– Восемнадцать, – надменно вздернув подбородок, вру я, не собираясь позволять ему говорить со мной в таком пренебрежительном тоне.

– Тебе не больше шестнадцати, крошка. Но ты ничего, – он резко отпустил взгляд на мою вздымающуюся от волнения грудь, и я резко ударила его по щеке, чтобы, наконец, вырваться из его рук.

– Иди к черту! Я с Джексоном, – с вызовом отвечаю я, чувствуя, как моя ладонь горит от удара. О его скулы порезаться можно или руку сломать. – И у меня здесь старший брат, и...

– О Боже, с тобой все ясно, – парень резко отпускает меня и поднимает руки, выставляя их ладонями вперед. Качает головой, и, наконец, его лица, которое прежде не выражало ни единой эмоции, касается легкая ухмылка. Я не знаю, как это контролировать, но мое сердце замирает при виде этой улыбки. Черты этого парня кажутся мне знакомыми, но я смутно помню, где могла его видеть... *где, черт возьми?! Где ты его видела, Джэзл?!*

– Я не собираюсь приставать к девушке моего лучшего друга. А это твоя сестренка? – он кивает в сторону Хлои, и я закрываю ее грудью, прерывая их зрительный контакт.

– Ты мне не нравишься, так что держись подальше от моей сестры, – воинственно заявляю я, но он в ответ только пренебрежительно кривит губы.

– А ты мне нравишься. Я люблю крошек с характером. Они обычно самые горячие, – Тайлер делает шаг вперед, подходя вплотную, и прижимает руку к низу моего оголенного живота, (на мне слишком короткий топ), от чего у меня дыхание перехватывает. – Попалась. Ты волнуешься.

– Вовсе нет...

– А вот и да, – слышу его шепот и чувствую горячую волну, опоясывающую бедра, именно в том месте, где сейчас касается его рука.

– Что здесь происходит? Мы будем начинать гонку или нет? Руки убери от моей девушки. Лучший друг, тоже мне, – Джексон оттягивает Тайлера за край толстовки и прижимает меня к своей груди. Я жмусь к Джексону, но по-прежнему не отрываю взгляда от Тая. *Просто не могу... не могу отвести.*

Я почти чувствую, как между нами пролетают всполохи маленьких искр, а наши взгляды связаны невидимой нитью.

– Я бы мог попытаться украсть ее у тебя. Люблю маленьких злючек, – медленно проговаривает он, приподнимая одну бровь. – Давай так: она моя, если я приду к финишу первым. Идет? – снова придирчиво оглядывает меня с головы до ног.

– И не мечтай. Я тебя сделаю, – усмехается Джексон и смотрит на меня. – Не обращай внимания. Он со всеми флиртует. А через минуту забывает с кем.

Я киваю, не понимая, почему мне неприятны слова Джексона.

– Боишься, потому что знаешь, что можешь проиграть, – отрезает Тайлер, и, подмигнув мне, направляется к своей тачке.

– Поцелуй на удачу? – Джекс наклоняется надо мной и заглядывает в глаза, потянувшись к моим губам.

– Когда победишь, – останавливаю его я, прижимая палец к его рту. – Удачи!

– Он не передал тебе флаг?

– Нет.

– Черт. Возьми его, а я пойду сяду в машину, иначе опоздаю на старте, – Джекс убегает в сторону своей тачки, и я, немного злясь на него, подхожу к машине Тайлера с левой стороны, из которой торчит небольшой флаг, который мне предстоит опустить по команде «вперед».

Тайлер стоит возле тачки и курит, поглядывая на толпу девочек, которые строят ему глазки.

– Отдай флаг! – требую я, скрещивая руки на груди, вплотную походя к этому наглецу.

– Отдам, если заключим пари.

– Какое еще пари? Ты в своем уме?

– Если я выиграю, ты меня поцелуешь, – он расплывается в чувственной улыбке, от которой у меня сердце подскакивает. При этом остальные его черты остаются холодны и неподвижны, словно его лицо заковано в маску.

– Ты не выиграешь!

– Пообещай, и выиграю, – рычит парень, со злостью кидая сигарету на бетон, и тушит ее кроссовком.

– Что ты несешь... Джексон же твой друг!

– Хорошо, с тобой мне все ясно. А вот с твоей сестренкой еще нет...

Он не тронет Хлою.

– Я поцелую тебя, если ты выиграешь. Но ты не обойдешь Джексона!

Парень явно на сто процентов уверен в своей победе... такие никогда не сомневаются в своих силах, и если честно, от этой энергии абсолютной уверенности в себе коленки подкашиваются.

– Не выиграешь! – еще раз дразню его и тут же жалею об этом. Тайлер одной рукой прижимает меня к двери машины, слегка надавливая на мои бедра своими. Я не могу двигаться, пребывая в шоке от такой наглости.

– Хочешь разозлить меня, чтобы я победил? Ты еще совсем маленькая, – он наклоняется к моему уху, понижая свой голос до шепота. Я схожу с ума от обольстительных ноток его тембра, попадаю в плен этого парня, который имеет дерзость лапать меня на глазах у всех. Его руки опускаются на мои бедра, и, кусая губы, я начинаю царапать его предплечья, показывая свой протест.

– Не трогай меня. Что непонятного?

– Ты не откажешь, если я буду чуть более настойчив. *Дженна*, – меня бросает в дрожь.

– Отстань...

– Я обязательно выиграю, запомни малышка. Ты пообещала поцелуй, но им ты не отделаешься после моей победы. *Его я получу сейчас*, – я не успеваю даже воздух набрать в легкие и растворяюсь в жестком, сладком и пленительном поцелуе. Против моей воли он врывается языком в мой рот, придерживая за затылок, поглощая меня все больше и больше, пока я выры-

ваюсь, стону и мычу, а сама... теряю голову, чувствуя его язык и эрекцию, которая начинает упираться мне в бедра. *Черт, черт, что я делаю... Джексон... Куда смотрит Джексон?!*

Не знаю, сколько длится наш поцелуй, но я кусаю мерзавца. Отталкиваю от себя, поправляя юбку, которая какого-то черта уже слегка задрана. Черт, он чуть не изнасиловал меня прямо здесь, надеюсь, что Хлоя не видела.

– Сладкая, – просто произносит он, проводя пальцем по своей губе, из которой сочится струйка крови. – *Я выиграю. Не гоню. Тебя,* – обещает Кук, парализуя меня своими словами. Я почти забываю про флаг и про то, что должна сделать, но Тай вручает его мне. На дрожащих ногах, я обхожу машину и встаю с другой стороны – судя по спокойному выражению лица Джексона, он нас не видел и уже давно сидит в тачке.

Я перевожу взгляд на Тайлера.

Немного заворуженно наблюдаю за тем, как он смотрит прямо перед собой, продолжая яростно газовать, заводя орущую толпу. Скольжу взглядом по четкой линии челюсти и пытаюсь найти на лице признаки волнения, но их нет. Ни одна венка не выдает его, ни один мускул.

Бабочки порхают в моей грудной клетке с небывалой скоростью, пока я поднимаю флаг над головой и смотрю сначала то на Джексона, то на Тайлера.

– Готовы? – перевожу взгляд на Джексона и подмигиваю ему.

– Приготовились... – снова на Тайлера, который газует так, что дым поднимается к небу.

– Вперед! – я резко опускаю флаг, закрывая глаза. Две машины стартуют с трека и с диким ревом мотора устремляются вперед по колее под мостом.

Меня окружают все, разговаривая со мной, знакомясь. Кто-то истошно кричит, болея за одного из ребят. Комментатор рассказывает о происходящем на трассе, надрывая собственные связки, но мне страшно смотреть на то, кто придет к финишу. Не хочу я целовать этого нахала. Глазами я ищу Хлою, но все безрезультатно. Она ушла, точно ушла.

Какие-то парни предлагают мне выпить и закурить с ними немного травки, и все происходящее становится размытым, блеклым пятном на моей памяти... превращается в огромное, кровавое, навсегда отложившее отпечаток на мою жизнь.

Словно кошмар, словно жизнь, которую проживаю не я, вспоминаю оглушительные выстрелы за спиной и вой полицейских серен, оголяющий нервы. Крик и плач. Удушливая паника. Все бегут на меня, сбивая с ног, заставляя меня падать раз за разом.

Где Хлоя?! Где она?!

Я помню парней в масках, покрытых черной чешуей. Острые шипы на масках повторяют зубья на теле драконов из страшных фэнтези-фильмов.

Леденящий душу ужас скручивает меня изнутри, я задыхаюсь при виде этих людей в масках и не понимаю, где моя сестренка.

Паника нарастает, а из-за принятого наркотика я не могу нормально двигаться. Обнаженный страх, поселившийся в каждой клетке тела, мешает трезво мыслить и искать пути спасения.

Так много выстрелов. Слишком...

Я успокаивала себя только тем, что Хлоя уже ушла к машине. Но в этой жизни не всегда все происходит так, как мы хотим.

Яркие вспышки... они ослепляют меня, лишая способности отображать реальность, запоминать все происходящее. Да и в трезвом состоянии такое-то помнить не хочется.

Мои губы дрожат, когда я оказываюсь около машины Митчелла. Мой брат истошно орет, то на меня, то на небеса... его крик превращается в плач, когда он кладет окровавленное тело Хлои в багажник.

– В больницу, Митч. Нам нужно в больницу... – сильным голосом повторяю я, пытаюсь разглядеть признаки жизни на лице Хлои. Но их нет. Но мне только кажется... правда же? – Митч, скорая едет...

– Слишком поздно. Она умерла, – Митч смотрит на меня, белки его глаз красные от слез. Я никогда не видела его таким.

– Нет! Это не правда! НЕ ПРАВДА!

Я прикасаюсь к руке Хлои, стараясь нащупать пульс, и кажется, тоже реву и кричу, заглядывая в пустые глаза, которые больше никогда не откроются. Большие никогда не посмотрят на меня с экрана телевизора. Большие никогда я не увижу в них своего отражения. Ее рваная рана на животе становится только больше, а светлая одежда насквозь пропитана кровью.

Я чувствую себя так, словно в мое сердце вставляют сразу тысячу кинжалов и одновременно поворачивают их рукоятки, выкорчевывая из него все живое и светлое. Боль настолько сильная, что я бы предпочла умереть вместе с ней, чем чувствовать, как она разрывает меня на никчемные кусочки.

– Очнись, милая. Хлоя, пожалуйста. Хлоя, я умоляю тебя. ХЛОЯ!

Я отпускаю ее холодную руку, падая на колени, и бью землю кулаками, царапаю камень, раздирая кожу, что-то бессвязно крича.

– Прости меня! Прости, Хлоя! Я не хотела, чтобы все вышло так...

Я соберу пазлы того вечера, но не сразу. Пройдет время, когда я смогу в подробностях вспомнить остаток этой роковой ночи. Время... говорят, что оно лечит, но со мной этого не произошло.

Время уничтожало меня.

Год за годом, месяц за месяцем я умирала.

Хотя половина меня, лучшая часть меня, погибла вместе с Хлоей.

Часть 1

Глава 1

«Месть – это тёмный и одинокий путь. Как только вы ступаете на него, уже нельзя вернуться».

Давным-давно / Однажды в сказке (Once upon a time)

Тайлер

– Вчера вечером Тайлера Кука выпустили на свободу. Напомним, что три года назад его взяли под стражу за нападение на представителя органа правопорядка. Ходили слухи, что отец Тайлера – Кристофер Кук – являлся участником одной из самых жестоких преступных группировок в Лос-Анжелесе. Представители банды называют себя «Dragons», штаб-квартиры клана по неофициальным данным расположены и в других городах мира. Таких, как Токио, Пекин, Куба, Рио, Нью-Йорк, Чикаго и Сан-Франциско. Приступный синдикат известен следующей противозаконной деятельностью, как рэкет, наркоторговля, сутенерство, заказные убийства, контрабанда оружия, нелегальный бизнес и другими.

Несмотря на то, что полиция Лос-Анджелеса отлично выполняет свою работу, мы не советуем появляться в криминальных районах города после девяти часов вечера. Полиция уверяет, что освобождение сына бывшего участника кровавой банды никак не повлияет на жизнь нашего города, но стоит быть крайне осторожными. Случаи, когда банды вмешиваются в жизни мирных жителей, не так часты, но мы помним, что они были. Знаменитая актриса Хлоя МакАлистер была убита в одной из таких перестрелок, Роза Хэдвей, Майкл Саммерс, и другие молодые люди также погибли, став случайными свидетелями перестрелок нескольких уличных банд... – я выключил телефон, не собираясь дослушивать репортаж о самом себе. Слушая YouTube обозревателя новостей и его передачу «Обратная сторона LA», я откровенно заскучал. На центральных каналах обо мне не сказали ни слова, в то время как весь интернет был завален подобными статьями и новостями.

Откинувшись на мягкую спинку кожаного дивана, лениво окидываю взглядом всех присутствующих на вечеринке в квартире моего друга Джексона. Громкая музыка и смех приятелей не мешают мне думать о том, что являлось смыслом моей жизни последние три года.

И будет до последнего вдоха.

Сколько раз я представлял себе этот момент?

Сотни.

Сколько раз я представлял, как достаю кишки, сердце, плоть и кровь из убийцы моего сына и всех членов его семьи и заталкиваю обратно? Именно так называется то, что я собираюсь сделать. Я выпотрошу из него жизнь и душу, но оставлю живым... физически живым.

Бесконечное количество раз.

Но не тюрьма сделала меня таким. А то, что произошло за неделю до того, как я туда попал. Каждый день за решеткой я копил свои силы, выстраивал план, питая свою душу лишь одними образами кровавой расправы.

Мой мир всегда состоял из грязи и вечной борьбы за внушенные кодексом банды идеалы. Поэтому даже самая массовая драка в тюрьме казалась мне глупой и никчемной по сравнению с тем, что я уже видел и в чем принимал участие сам. Тюрьма стала для меня крепостью одиночества, местом, где я пребывал в полном забвении, оплакивая Эйдана.

Я был ужасным отцом, плохим примером для подражания, и сделал бы из своего сына чудовище. Так или иначе, он бы им стал, даже если бы я предпринял все, чтобы он никогда

не узнал о том, кем являюсь я, кем был мой отец и вся наша проклятая семья. Он кровь от моей крови, а значит, рано или поздно члены Dragons нашли его и убедили бы стать одним из них. Заставили.

Не обращая внимания ни на громкую музыку, ни на суматоху вокруг я погружаюсь в себя, ныряя в омут собственной памяти. И я вижу все так четко и ясно, словно не было этих трех лет, чтобы унять боль. Невозможно забыть то, что вижу каждый раз, когда закрываю глаза...

– *Тай! Тайлер... это же не он. Это не наш мальчик. Это не может быть правдой,* – дрожащим, полным паники и ужаса голосом шепчет Клара, когда я держу ее за руку, и мы направляемся к огороженному полицией месту у железной дороги.

Я бы хотел сказать ей, что да, это не Эйдан, это не наш сын... И это единственная мысль, которой я живу последние полчаса, с тех пор как нам сообщили о том, что нашли ребенка, который по описанию походит на нашего сына.

Но я не могу произнести ни слова. Иначе просто не выдержу и завою сам, как Клара. Ее глаза горят безграничной любовью и непоколебимой материнской надеждой в то, что ее мальчик жив.

Я тоже хочу верить... и я верю, что это ошибка. Что мы найдем Эйдана живым и здоровым. Но до боли знакомое место, к которому я подхожу, буквально кричит мне об обратном.

Это то самое место – железная дорога, именно тот участок, забыть который я не в силах.

Офицер что-то говорит мне, пуская за ограждение, но я его не слышу, только сильнее прижимаю к своей груди вздрагивающую Клару, непроизвольно закрывая ее глаза ладонью.

Но слишком поздно.

Она уже увидела.

Увидел и я... узнал все до мелочей: белые потертые кеды на Эйдане, джинсы и его любимая футболка с надписью баскетбольной команды, за которую мы болели. Мы ходили на матч всего неделю назад... нет, нет, нет, это все нереально. Еще неделю назад он смеялся, держал меня за руку, и говорил: «Папочка, я рад, что этот день мы проведем вместе».

Это дурной сон, и я готов раскрыть собственную голову об асфальт, в слепой надежде проснуться, избавиться от этого кошмара... стереть это безумную реальность, в которой мой ребенок лежит на раскаленном бетоне – холодный, пугающе бледный, и не может просто встать, улыбнуться нам и побежать как прежде.

Не помню, как мы с Кларой оказываемся на коленях рядом с телом нашего мальчика. Я держу ее в руках крепко-крепко, от ее истошных криков в моих жилах застывает кровь... сердце обрастает то льдом, то языками пламени, испепеляющими душу до тла. Быстро, намеренно, уничтожая меня вместе с мертвым сыном.

«Я... я не сберег. Это из-за меня» – эта мысль крутится без конца и разрывает виски.

– *БОЖЕЕЕЕЕЕ! НЕТ! Отпусти меня! ОТПУСТИ!* – оглушительно кричит Клара, но я держу ее, пребывая в полнейшем забвении. Она царапает мне кожу, но я не чувствую физической боли. Моя боль куда глубже, и мне кажется, что если я позволю себе произнести хоть слово, пролить хоть одну слезу, то этим самым признаю то, что Эйдан действительно мертв.

Последние надежды рушатся, когда я прикасаюсь тыльной стороной ладонью к его мягкой щеке. Истошный вой, словно чей-то другой, а не мой собственный, разрывает слух, пока острая боль пронзает каждую клеточку моего тела, выворачивая наизнанку внутренности. Вой дикого животного, у которого только что на его глазах застрелили детеныша...

Я не могу быть сильным в этот момент даже ради Клары. Я прижимаю его к себе так сильно, будто рассчитываю вдохнуть в него жизнь. Агонизирующая боль. Кромешная тьма. Пока скользну взглядом по его посиневшим губам, белому лицу, и трогаю, трогаю, пытаюсь

найти отсутствие знакомых родинок, чтобы убедиться в том, что это все-таки не мой сын...

– Эйдан... нет. Эйдан, пожалуйста. Малыш, – провожу рукой по его волосам, как обычно делал это по утрам, до того как он проснется. Но он не просыпается. – Эйдан, пожалуйста... – отчаянно шепчу я, но мой голос утопает, затихает в слезах и криках Клары.

– Это не он, Тайлер... это не может быть он! Пусть они найдут моего сына! – словно не в себе выкрикивает Клара и собирается сорваться куда-то в сторону, прямо на пролегающие рядом рельсы. Я хватаю ее за плечи и прижимаю к себе, словно маленькую девочку... закрываю ее руками, чувствуя, как болят мышцы лица, искаженные от гримасы боли.

Мне трудно дышать, перед глазами проявляется черная бездна и поглощает меня. Последнее, что я слышу, находясь в адекватном сознании, это без конца повторяющиеся слова Клары.

– Это из-за тебя, Тайлер! Он не мог сам....они убили его, из-за тебя и твоего гребанного мира! Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ! НЕЕНАВИЖУ!

Эйдану было семь.

Вынырываю из омута воспоминаний в реальность, чувствуя, как задыхаюсь, прожив все снова до мелочей.

И, несмотря на то, что мое лицо остается непроницаемым, я чувствую, как внутри у меня все разорвано вдребезги. В моем теле давно нет жизни. Я – идеальный механизм, один из «старших братьев» в пирамиде моего клана, но теперь мне плевать на семью Dragons и все, чем я жил когда-то. Единственное, чем я дышу и питаюсь – жажда мести.

Конечно, я догадываюсь, кто из моих врагов сотворил такое с беззащитным ребенком. Мои братья не теряли времени и достали необходимую мне информацию за годы, пока я был оторван от мира. Человеческая жестокость не имеет пределов. Мы хуже животных, самые слабые и дикие существа в этом мире, способные на бессмысленные убийства и предательства.

Убивал и я, лишал жизни – хладнокровно и не задумываясь. И для Бога не будет иметь значения то, что эти люди были такими же животными, заслуживающими смерти – многие из них убийцы, наркоторговцы, сутенеры, продавцы человеческих тел. Я всегда следовал строго кодексу банды. А у нас есть определенный кодекс чести, свод правил, определенные клятвы данные «семье». Пирамида клана строится по патриархальной структуре: всего в «Dragons» насчитывается пятьдесят тысяч участников по всему миру. Ими управляют двадцать один лидер, наши «отцы», на следующей ступени – «старшие братья». Еще ниже сыновья и многие другие. За любое нарушение кодекса (особенно обета молчания о клане) нас постигает строжайшее наказание, вплоть до смерти. Как правило, мы не убиваем просто так. Но если кто-то не платит нам деньги или встает у нас на пути, то ему – конец.

За каждое намеренное убийство невинного человека один из наших в наказание отрезает себе фалангу одного пальца. И за другие нарушения тоже. Нашему лидеру не нужны лишние проблемы. Но во время перестрелок с другими бандами бывает всякое. Наши идеалы нерушимы, а слово Босса – это закон. Любой участник банды обязан знать «кодекс Дракона» наизусть.

Кано Кенши – действующий главарь и «отец», лицо которого никто из нас, даже «старших братьев», не видел. Он всегда восседал в своем кабинете и не снимал стальную маску, представляющую собой морду дракона. Мы тоже их носим, но маска Кано покрыта черными бриллиантами и передается от лидера к лидеру вот уже несколько веков.

Я часто встречался с ним, когда стал старшим братом. А шел я к этому долго, начиная с ранга «новичка». На этом уровне Dragons ничем не отличается от любой уличной банды, не считая масок, которые мы носим. Уличные разборки, перестрелки, торговля наркотиками... сейчас все иначе.

Любая банда – это секта, братство, сообщество, которое отчасти лишает тебя воли. Сначала ломает твою личность, потом делает из тебя то, что им необходимо. Машину, безоговорочно работающую на благо синдиката. Все начинается с посвящения в Dragons, воровства и мелкого хулиганства, а заканчивается стремлением продвинуться по иерархической лестнице и занять в банде значимое место. Я, один из немногих, кому удавалось трезво оценивать то, чем я занимаюсь и сохранять свой разум трезвым. Поэтому я и ушел, смог выйти из банды, хотя бывшим «Драконом» стать нельзя...

Я вернусь. Только так я смогу отомстить за сына, только с поддержкой, связями и деньгами своей «семьи»... *И мне уже давно нечего терять. А человека, ради которого я отказался от преступного мира, больше нет.*

Слышу, как разбивается бутылка, и мерзкий звук прерывает мое воспоминание о сыне. Я никогда так не любил – ни его мать, ни любую другую женщину. *Но за сына я бы умер. Удавил бы любого.*

Горечь, которую причиняет осознание того, что время нельзя повернуть вспять и все исправить, разъедает все, что осталось от моей души. Уничтожает словно кислотный дождь. Убивает день за днем, капля за каплей, и эта мучительная и медленная пытка никогда не закончится.

Эта горечь, необъяснимая нормальными словами боль утраты оставила внутри только пепел.

Ничего нельзя отмотать, переписать всего один эпизод, сохранить единственное, что имело для меня значение. *Сын.* Когда я узнал, что Кларисса беременна, это не произвело на меня ровным счетом никакого впечатления. Я не любил ее, она была одной из девчонок, которую я подцепил на вечеринке. Мне пятнадцать, ей двадцать три. Мое тело было натренировано так, что я мало чем отличался от мужчин ее возраста. Меня привлек ее невинный взгляд и копна ярко красных волос. Я не планировал продолжать с ней общение после той ночи. Она оставила ребенка, но сказала мне об этом не сразу. И не сказала бы никогда... я увидел сам, когда она уже была на последнем месяце. Конечно, я убедил себя в том, что это не мой ребенок. И старался просто об этом не думать... мне было всего шестнадцать. *Ребенок? Какой еще ребенок?*

Но потом...

Когда я впервые взял на руки Эйдана, земля остановилась. Мой мир перевернулся на триста шестьдесят градусов. Вне всякого сомнения это был МОЙ сын. Я смотрел в его огромные глаза, такие синие и большие, несмотря на то, что он все время плакал и щурился. Я не мог поверить, что я причастен к созданию этого маленького, орущего существа. Прекрасного существа, который теперь во всем зависит только от меня. Что он просто взял и появился на свет. *Я его создал.* Живой плаксивый комочек, мое продолжение, луч света в крошечной тьме и куче грязи, из которой состояла моя жизнь.

Сын. Сын. Мой сын, который должен стать человеком, которым я так и не стал, и никогда не стану...

Все мы возлагаем большие надежды на своих детей, пытаемся с детства выбрать для них путь, которым бы хотели пойти сами. Исправить свои ошибки, научить их своим примером. Дать им все, что у нас есть и поставить на ноги.

И это не просто инстинкт, это большее.

Как только я взял его на руки, я, наконец, понял, о чем толкуют люди, с трепетом произнося слово «любовь», в которое я никогда не верил. Но что это, если не любовь, когда ты видишь это крохотное создание, и понимаешь, что отдашь ему все, ВСЕ, что у тебя есть? Защитишь от всех бед, будешь биться за маленькое существо до последней капли крови, и никому никогда не отдашь? Воспитаешь настоящим мужчиной. Будешь учить его падать и подниматься, защищаться, драться, стоять за себя. Преподашь первые жизненные уроки. Ста-

нешь для него отцом, наставником, другом, началом всех начал... *я любил его*. Больше всего на свете, больше матери и отца, больше своей банды, которой отдал всю свою жизнь.

Эйдан был для меня всем. А потом его не стало.

Я никогда не забуду ледяной душу ужас и полную беспомощность, которую испытал, когда прижал к себе бездыханное, бледное, холодное тело своего мальчика.

Я закрыл глаза, вспоминая черты лица сына. Глубоко вдохнув, подавил крик ярости и боли, который никогда не вырвется из груди. Меня учили контролировать свои эмоции с двенадцати лет, и вопреки стереотипам о бандах мы отличались от многих из них. Моя «семья» дала мне образование, статус, деньги, поставила на ноги. Я закончил школу с «А» по всем предметам и кучей рекомендационных писем, которые помогли бы мне поступить в колледж.

Драконьи маски – отличительная черта нашей банды, всегда позволяли нам скрывать свои настоящие личности. На некоторых улицах Лос-Анджелеса стоят камеры, но благодаря маскам мы оставались в тени.

Полиция ЛА не так часто вмешивается в разборки банд. По той простой причине, что это самоубийство в чистом виде. Только и могут, что отслеживать нас с вертолетов. Некоторые просто куплены.

Они боятся. Ведь дома их ждет любимая семья, тыл и уют. Нам же бояться нечего. Для членов банды нет ничего выше интересов семьи.

Те из нас, кто не так сильно «зазомбированы», продвигаются по иерархической лестнице вверх. В любой банде есть серая масса, «стадо на убой», и будущие лидеры, которые, несмотря на полнейшую вербовку разума с малых лет, остаются собой. Как я. Хотя... некоторые вещи, которые во мне воспитали, останутся со мной навсегда.

Отношение к женщинам у «Dragons» чисто потребительское, если не сказать хуже. Мне с детства внушали, что они лишь средство для получения удовольствия, подчинения и размножения. Низшие существа, созданные для того, чтобы утолять голод похоти, коврики для ног. Подстилки – так в кодексе называют женщин, которые не являются женами, сестрами или дочерьми лидеров.

Я считал так же, потому что на вечеринках, которые посещали мы с братьями, встретить нормальную девушку – редкость. В основном это проститутки и обдолбанные крошки, лишенные чувства самоуважения.

Но с появлением сына все изменилось. Я стал смотреть на Клару по-другому. Ее безоговорочная, безусловная, чистая любовь, направленная на такое чудовище, как я... стала каплей света, к которому хотелось возвращаться снова и снова. Светлая, добрая и милая девушка, я понятия не имею, как ее занесло на ту вечеринку. В свои двадцать три она была девственницей. И я не жалею, что все случилось так, что она забеременела, потому что Эйдан стал тем самым смыслом, той самой связью с человеческим началом внутри меня. Если бы не он, я бы скатился в свой грязный мир и позволил бы идеям клана окончательно завладеть моим разумом.

Некоторые из нас стали ходячими роботами, безропотно выполняющими приказы лидера. Как и в любой секте, сначала они ломают прежнюю личность человека, потом создают новую, затем закрепляют ее. И я проделывал с «новобранцами», еще совсем юными парнями, которые хотели вступить в банду то же самое. Особо внушаемые личности становятся словно зомби, жизнь за пределами банды для них исчезает. Благодаря Эйдану и Кларе этого со мной не произошло.

Они стали для меня «тихой гаванью», тылом, в котором я так нуждался. Я изменял Кларе, хотя не уверен, что это можно так назвать. Мы не жили вместе, не были женаты. Скорее мы были близкими друзьями, которых объединял сын, и иногда трахались. С ней было хорошо, спокойно, безмятежно. Я мог прийти к ней после очередной разборки с вражеской бандой и прочувствовать ее любовь в каждом прикосновении. Я не любил ее. Но я любил себя рядом с

ней, бесконечно благодарил за наследника и был счастлив притвориться нормальным человеком, когда находился рядом.

Смерть Эйдана изменила ее чувства.

Когда я увидел ее, убитую горем, выкрикивающую в меня проклятья, покидающую меня, я понял, что потерял сразу двух близких мне людей. Снова.

Кого я еще потерял? Чтобы посчитать, не хватит и пальцев на двух руках. Несколько друзей из банды, которые погибли в перестрелках, когда все мы были еще на «уличном» уровне и выполняли грязную работу новичков. Мать, отца, сестру, Клару, Эйдана... я не боюсь попасть в ад после смерти и поплатиться за все свои грехи, потому что моя земная жизнь давно стала настоящим адом. Пустыней, в которой исчезли последние миражи.

Клара ушла. Не смогла простить смерть ребенка. Я сам никогда себя не прощу. Моя месть не поможет мне вернуть ее, но воспоминания о ней, и о нашем сыне, о совместных светлых часах, проведенных вместе... это единственное, что помогает мне засыпать по ночам. Хоть на миг прерывать бесконечный поток мыслей о том, как я сдавливаю шею убийцы и выбиваю из него дух.

Я скучал по ней. Скучал по Эйдану. Я скучал по жизни, которую я мог бы обрести с ними, но последняя надежда на то, что все изменится, погибла вместе с Эйданом.

– Приятель, ты в порядке? – Джексон вырвал меня из омута воспоминаний, усевшись рядом. Лучший друг, брат по «семье» выглядит трезвым в отличие от всех на вечеринке. Он проводит рукой по коротким черным волосам и хлопает по карманам кожаной куртки в поисках сигарет.

Сейчас я живу у него, но это ненадолго. Через пару дней я отправляюсь в Вегас – мне нужны деньги, и я знаю, как преумножить свои жалкие накопления достаточно быстро. Покер, Блэк-Джек... это будут легкие деньги.

– Наслаждаешься свободой? – Джексон протягивает мне раскрытую пачку сигарет. У него смуглая кожа, черные глаза – в его генах бурлит латиноамериканская кровь. В моих же жилах течет Австрийская, Японская, Мексиканская и еще парочку. Мои предки много путешествовали по миру, выполняя свою грязную работенку.

Достаю одну сигарету, зажигаю и крепко затягиваюсь.

– На тебе лица нет. Не вижу радости, а? Девочки жалуются, что ты их отшил. Неужели не хочется? Ты же из тюрьмы вышел, – друг пытается разговорить меня, но я смотрю на него уничтожающим взглядом.

– Ты увидишь мою радость, когда от убийцы Эйдана живого места не останется, – ледяным тоном, смотря в одну точку, отрезаю.

Я не знаю, какая тварь именно это сделала, но догадываюсь. Есть только три человека, которые хотели свести со мной личные счеты.

Я не уберег. Не защитил. Это моя вина...

Жажда мести, это одержимость. Самая большая одержимость, выше желания обладать властью, выше желания иметь деньги и весь мир, выше всех человеческих потребностей. Если бы мне предоставили выбор – безграничная власть над всем миром, или жизнь безымянного бомжа в трущобах, я бы выбрал второе, если бы мог отомстить этой мрази сполна прямо сейчас.

Месть это наркотик, и он не просто уничтожает тебя. Каждый вдох без него не имеет смысла. Если бы не моя неутолимая жажда мести, я бы растерял все причины жить, и спокойно бы застрелился сам хоть в эту секунду.

– Что ж, хочу тебя обрадовать, – с легкой ухмылкой сообщает мне Джексон, и я чувствую, как каждая мышца в моем теле начинает гореть от напряжения. Он что-то знает.

– Собрал информацию? – я наблюдаю за тем, как Джексон роется в своем кожаном черном портфеле, а потом кидает на журнальный столик из стекла черную папку.

– Как ты и просил. Ты был все это время с нами, Тайлер. Босс запретил нам доставать тебя из задницы, но мы сделали все, что могли, чтобы получить все это. Никто о тебе не забыл. И я помогу тебе. Это будет наша месть, общая. Ты знаешь... Эйдан тоже был мне дорог, – друг похлопал меня по плечу. – В папке все, что тебе нужно.

Сжимаю кулаки, ощущая, как огромный дракон, долгое время спящий внутри меня, вот-вот вырвется на свободу и сметет пламенем все на своем пути, превращая землю, по которой ходят обидчики моей семьи, в пепел. Месть будет сладкой, и я буду наслаждаться каждым ее глотком... смакуя, уничтожая и разрушая.

Я открываю папку, и на первой же странице вижу лицо. Лицо человека, что причастен к убийству моего сына. Клацаю зубами, жадно читая всю информацию, которую достал для меня друг. Целое расследование, хотя и без этих жалких бумаг я догадывался, что это он, мерзкий ублюдок.

Я ему не завидую, бл***.

Меня трясет, когда я смотрю на его уродливую, смазливую рожу, и лишь жажда насладиться местью останавливает меня перед желанием взять пушку и пойти застрелить его прямо сейчас.

Неопровержимые доказательства его вины: сообщения, бумаги, фотографии, видео – бесконечный поток фактов и доказательств того, что именно он стоит за убийством Эйдана. К тому же у нас с Брауном есть прошлое, и я изначально сделал его первым в списке подозреваемых и оказался прав. У него были все причины. Кровная месть, я все понимаю. Но убить невинного ребенка... почему не меня? Почему? И конечно показания одного из его людей, которого Dragons пытали, выбивая из него правду.

Возможно, моя личная месть не входит в дела моей банды, но сейчас меня это не волнует. Я покинул ее незадолго до смерти Эйдана, несмотря на то, что был далеко не последним человеком в клане. Мой отец был лидером... когда-то. Я не знаю, где он сейчас. Маму убили, когда мне исполнилось двенадцать.

Наш главарь был недоволен принятым мною решением, и поэтому никто из наших не помог мне, когда меня взяли под стражу. Покинув банду, я лишился ее защиты, денег и власти, которую она давала.

Но невозможно перестать быть одним из «Драконов», однажды пройдя через посвящение и ритуал, который оставляет следы на твоём теле.

Однако, очередной шлюхе на этой вечеринке совершенно плевать на уродливый шрам на моей шее, который невозможно забить ни одной татуировкой. Эта сука садится на столик прямо передо мной, вырывая из рук папку.

Мой друг уже занят разговором с двумя другими безликими девицами, а я рассматриваю девушку перед собой, не выпуская из рук проклятые листы.

– Тай, ну ты же звезда этого вечера. А сидишь один. Я могу скрасить твое одиночество, – мурлыкает дешевка. Мой взгляд скользит по незапоминающемуся лицу, большой силиконовой груди – красивой и упругой. Соски просвечивают через тонкую ткань, вызывая во мне желание покусать их. Бегло изучаю остальные части ее тела, оценивая ее на три балла из пяти. Я никому и никогда не ставил пятерку. Впрочем, сейчас мне неважно, какая шлюха будет принимать мой член до горла. Мне необходимо поиметь эту безмозглую суку, вымещая на ней хотя бы маленькую толику ярости и гнева, которые переполняют меня. Вот уже три года.

– Уверена? – равнодушно спрашиваю я, чувствуя, как ее умелые ручки поглаживают меня в районе молнии на джинсах. *Сильнее, крошка.* Член мгновенно твердеет, и я хватаю ее за волосы, под самые корни. Девушка вскрикивает, и я упиваюсь этим звуком. – Уверена, что хочешь этого? – рычу я, и мой голос не обещает ей ничего кроме пустого траха, где я буду иметь ее во все отверстия, а она спокойно терпеть все, что я делаю. – Хочешь переспать с бывшим заключенным?

– Проверим? – она закусывает губы и поглядывает на дверь в спальню. Ни один мускул не дрогнул на моем лице, когда я также, держа ее за волосы, поволок шлюшку в комнату.

– Тайлер, только держи себя в руках... – девушка поняла, что пристать ко мне было ошибкой. Слишком поздно. Я толкаю сучку на кровать и со всей дури хлопаю ее по ягодицам, прижимая другой рукой поясницу девушки к кровати.

Она лежит передо мной с приподнятой попкой и слабо вырывается, пока я рывком достаю ремень.

– Поздно. Ты сама предложила свои услуги, – ухмыльнулся я, опуская колени на кровать. Рывком притягиваю голову девушки к своему члену и силой заставляю принять его в рот. Хотя какой силой? Она особо не сопротивлялась. Лишь изредка кричала «больно, перестань» и кашляла, когда я был слишком резок. Но она знала, чем закончится, когда подходила ко мне, поэтому претензий я не принимаю.

После ее неумелого рта я перехожу к заднице, собираясь лишить ее попку девственности. Поздно. Там она не тугая, словно ее каждый день имеют в это местечко. Брезгуя ее использованным телом, быстро раскатываю презерватив по готовому члену. Вколачиваюсь в тело девушки резкими, четкими толчками, намеренно причиняя боль, доводя до истошных криков. Сама напросилась, дешевая шлюха. Сминаю в руках кожу на талии, смакуя ее безумные всхлипы.

А сам закрываю глаза и не могу сосредоточиться на удовольствии, которое должен бы получить...

Но даже сексуальное желание меркнет по сравнению с единственно важным желанием, которое мне необходимо удовлетворить.

Я чувствую, как мои вены наполняются жизнью, когда я представляю, как ублюдок смотрит на меня, умоляя убить его. Этот час придет очень скоро. Ну а пока мне нужно собрать вещи и уехать в Лас-Вегас.

Глава 2

*«Дети существуют, чтобы разочаровывать своих родителей. Я
из всех сил стараюсь выполнить свое предназначение».
Игры разума (Brain Games)*

Год спустя после того, как Тайлер вышел из тюрьмы

Джелена

Я умираю.

Только одна единственная мысль разрывает мою голову вместе с адской головной болью. Словно вчерашняя бутылка мартини была разбита о мою голову, а не выпита мной до дна. Каждый звук словно касание лезвия по оголенным нервам, но ещё больше «моя маленькая смерть» ощущается, когда я пытаюсь открыть глаза. Тут же сжимаю веки, не в силах вынести слишком яркого света прямо в лицо.

В такие минуты я ненавижу Лос-Анджелес с его вечным солнцем над головой.

Я бы с радостью прислушалась к голосу со стороны, который пытается разбудить меня и что-то до меня донести, но по утрам меня невозможно выволить из кровати, пока я сама не захочу встать.

Или пока не вспомню, что было вчера, и что это вовсе не моя кровать... о, черт.

– Малышка, доброе утро, – вот теперь я точно умираю. Серьезно. Хуже подъема после бурной ночи могут быть только эти нежности по утрам. Крепкие мужские руки сжимают меня в объятиях, и я чувствую, как твердый член парня упирается мне в задницу. Вчера ему было мало? Какого черта я не уехала домой на такси? Хотя о чем я, вчера я вряд ли задумывалась о таких мелочах и, скорее всего, просто наслаждалась моментом и мужским телом, которое так удачно угодило в мои сети.

Меня всегда так умиляет, когда парни хотят продолжения и добавки утром. Но я не нарушаю своего принципа: пришла, увидела, переспала и забыла. И все счастливы.

Мистер «белоснежная улыбка» начинает целовать мои плечи, и меня передергивает. Неприятное чувство заставляет меня окончательно проснуться, и я вырываюсь из цепких объятий мужчины.

– Отстань, – я сажусь на постели, откидывая копну волос на спину, и оценивающим взглядом рассматриваю свое ночное приключение.

– Тебе же понравилось вчера, – парень улыбается мне до ямочек на щеках. Такой сладкий, приторный. Еще бы, на вечеринке где присутствует слишком много моделей, другого достать трудно. Облизываю губы, глядя на напряженные кубики его пресса. Хорошенький. С уродами я и не сплю. Но продолжения не будет.

– Это было вчера, – приподнимаю бровь и встаю с постели, не стесняясь своей наготы. Ухмыляюсь, наблюдая за тем, как парень замирает, пуская на меня слюнки. Перед моим телом трудно устоять, и это льстит. Но не более.

– Ты серьезно? Джэл, какого черта? Я тебя провожу, – парень встает с постели и натягивает боксеры, пока я быстро влезаю в свое серебристое платье. Он его даже не порвал. Скука.

– Ай! Можно потише? – слышу дикий ор и чувствую, как наступила на чью-то руку. – А, это ты. Джэл, я рассчитывал на более сладкое пробуждение.

Смотрю на второго парня, развалившегося на полу. Плед прикрывает нижнюю часть его тела, но он без всяких сомнений – голый. Под головой у него джинсы вместо подушки. Парни так похожи, что мне кажется, будто с похмелья у меня в глазах двоится. Лощенные, вылизанные, сладкие и приторные. Одинаковые, как из инкубатора.

Типичные калифорнийские мальчишки, от которых уже тошнит.

Но сейчас их внешность уже не имеет значения, продолжения не будет. Сейчас важно понять, почему их двое, и не сделала ли я снова ЭТО... хотя, лучше не знать. Не вспоминать. Хотя благодаря выпитому алкоголю я итак ничего не помню. Но, судя по улыбке первого Безымянного, я подарила ему самые яркие впечатления в его жизни.

– Джэл, детка, тебе принести кофе? – спрашивает парень, лежащий на полу, потягиваясь.

– Нет, я провожу тебя до дома, и мы заедем куда-нибудь позавтракать, детка, – перехватывает мое внимание первый, сжимая мои запястья.

– Какой ещё завтрак? Мы просто потрахались, – избавляюсь от его захвата, заглядывая в глаза полные недоверия.

– Но мы ведь повторим как-нибудь? Сегодня, например, – он снова начинает распускать руки, прижимая меня к своему накаченному телу. Со всей дури быю непонятливого парня по плечу и вырываясь, окидывая обоих яростным взглядом.

– Спасибо, мальчики. Ночь была удивительной. Как жаль, что она не повторится, – нежным голосом пою я, проводя указательным пальцем по своей нижней губе.

– Подожди, Джэл...

– Ага, – выбегаю из комнаты, быстро закрываю дверь и прячусь в одном из коридоров огромного дома в надежде на то, что ни один из блондинов не попрется за мной. Шикарный дом, который еще вчера бы вызывал восхищение, теперь напоминал поле битвы и городскую свалку. Воняет алкоголем и травой, меня мутит от этого «аромата». Мне нужен кофе, срочно. Повсюду разбросаны шары, пустые бутылки, кусочки еды и одежда. Некоторые спят на полу, в том числе и парочки под одним одеялом. Смотреть противно. Хотя я и сама сегодня разделила постель с незнакомцем. Не то, чтобы в первый раз, но я люблю спать одна. Не хочу... чувствовать себя слабой и уязвимой.

Я ищу Наоми, но в гостиной ее точно нет. Я иду вдоль панорамных высоких окон и невольно заглядываюсь на вид, который открывается с одного из Голливудских Холмов. Я, кажется, говорила, что ненавижу Лос-Анджелес? Забудьте. Даже в таком убитом состоянии меня переполняет нереальное теплое чувство, вдохновляющее и невероятное, когда я смотрю, как первые лучи солнца касаются верхушек небоскребов в центре и сетки из однотипных домов вокруг. Это до кончиков пальцев «мой» город, и, возможно, мне не хватило бы целой книги, чтобы объяснить почему я люблю город Ангелов, в котором нет... *нету ни одного ангела*. Зато много бомжей и неудачников, которые пытаются стать звездами. Последних я просто ненавижу.

Не нужно быть гением, чтобы найти Наоми. Где бы мы не находились – в клубе, или на частной вечеринке, она всегда ошивается недалеко от туалета. Для нее принятие дозы это целый ритуал, который она совершает наедине с собой.

Кажется, именно у этого туалета я видела ее в последний раз... я замираю рядом с бело-снежной дверью и опускаю ручку, врываясь внутрь.

– Ты в порядке? – Наоми сидит на полу туалета, положив голову на плечо спящего парня.

– Лучше не бывает, – она расплывается в мягкой, довольной улыбке. Наоми все еще под кайфом. С Наоми мы познакомились в клинике, куда я попала после смерти Хлои. С тех пор не расстаемся. Наоми та еще любительница свободы, еще похуже меня. Может, поэтому я дружу с ней. Глядя на нее, я вижу, что еще не так низко пала. Я еще не достала до дна. На самом деле Наоми снова нуждается в лечении... призрак прошлого не отпускает ее, но разве ее заставишь отправиться в клинику?

Других подруг у меня нет со времен окончания школы – еще тогда девочки ненавидели меня за то, что их парни слишком сильно интересуются мной, а потом это переросло в настоящую вражду. Я привыкла быть одиночкой. В этом мире мы все сами за себя. Дружба, любовь – иллюзии для тех, кому страшно в этом признаться. Что ж, видимо, когда я родилась, кто-то забыл выдать моей душе «розовые очки».

Хлоя была единственной подругой, которой я могла рассказать обо всем. Моей любимой сестренкой. Ни одна дружба не заменит мне связи, что была между нами, поэтому я избегаю ненужных привязанностей.

– Я ухожу, ты со мной? – скольжу взглядом по разорванному в некоторых местах платью подруги. Волосы заляпаны соусом, черная тушь размазана по впалым щекам. Вчерашний шарм и загадочность исчезли без следа, оставляя после себя дешевое подобие того, как должна выглядеть женщина...

Я не вправе осуждать ее, но даже бутылка мартини и пьяный угар не мешают мне следить за собой. Я их тех девушек, которые одевают кружевное белье, зная, что его никто никогда не увидит, и трачу кучу денег на всякие крема по уходу за собой.

– Да-да. Встану, пока ты приводишь себя в порядок, – стонет Наоми, и я разворачиваюсь к зеркалу. Подруга знает, что я не выхожу на улицу, не поправив макияж. И я не могу позволить себе выйти на улицу в грязном платье, (я заметила крохотное пятнышко на груди), поэтому беру пиджак из рук спящего в туалете парня и накидываю на плечи.

– Ну, и долго ты еще? – Наоми уже давно встала с пола и устало пялится в телефон, пока я смываю вчерашний макияж и наношу на себя легкий слой тона. Крем и немного туши. Это уже привычка. У меня есть определенные правила по уходу за собой, которые я никогда не нарушаю. Не люблю, когда в прессу попадают мои фото в неприглядном виде...

Я приглаживаю влажными ладонями объемные волосы шоколадного цвета и подкрашиваю губы помадой, наблюдая в отражении за ярким блеском в карих глазах. Возможно, мальчик был не так плох, но... я бы запомнила, если бы испытала что-то особенное.

– Ну что, хорош был Клэйтон? – хихикает Наоми, кладя голову мне на плечо.

– Его зовут Клэйтон? – возвожу глаза к небу, и мы обе смеемся, когда выходим из ванной комнаты. Я достаю ключи от машины, и мы с Наоми направляемся к выходу, на парковку где я не сразу нахожу свой Мерседес, теряясь в рядах из дорогих тачек.

* * *

После чашки эспresso умирать я перестала. А вот Наоми до сих пор находилась под действием дури и раздражала меня своим поведением, дергаясь на пассажирском сидении, врубая музыку на полную мощность. Постоянно облизывала губы, кривляясь в зеркало, строя самой себе глазки. Я, конечно, догадывалась, что со стороны это смотрится мерзко, но не настолько. Я тоже далеко не идеал, но глядя на Наоми, мне легче устоять перед соблазном и тоже не принять парочку. Я завязала. Почти.

– Как ты пойдешь сегодня на работу? – интересуюсь я, пока подруга утыкается в телефон.

– Отвези меня к Чейзу. Джэл, ты сама знаешь, – Наоми работает стриптизершей в одном из клубов Даунтауна³. Раньше она занималась эскортом, но теперь «влюбилась», хотя я сомневаюсь, что это надолго. – И мне очень скучно без тебя. Приходи сегодня в клуб, повеселимся, как раньше. Оторвемся, расслабимся... всего пол таблеточки? – я делаю глубокий выдох. Соблазн сильный. Забыться по-настоящему. Алкоголь не дает такого эффекта, сколько в себя не заливай. Но нет. Я могу себя контролировать. Я не зависима от кайфа в отличие от Наоми, и несмотря на то, что наши моральные принципы мало чем отличаются, я не хочу выглядеть также, как она. Не могу себе позволить. Трудно сказать об этом подруге, но в последнее время она совсем плоха. Волосы выпадают клочками, крошатся зубы... и она так похудела. Это даже не красиво, хотя раньше она была соблазнительной пышкой с аппетитной грудью. Думаю, что она что-то мне не договаривает. Но отправлять ее в клинику – бесполезно. Я пыталась, но ничего не вышло.

³ Деловой квартал в ЛА, состоящий из небоскребов.

Я слышу сигнал смс сообщения, и бегло бросаю взгляд на экран телефона: от Уилла. Нужно удалить, читать не буду. Межу нами все кончено. Подруга первая хватает мой телефон и читает сообщение вслух:

– Я скучаю по тебе, детка. Вернись ко мне, – манерным голосом сообщает она, убавляя звуки музыки. – Какая же ты дура, Джи. *Такой* парень пропадает, – фыркает она, небрежно кидая телефон на приборную панель.

– Еще раз притронешься к моему телефону, я высажу тебя прямо на хайвее, – озлобленно ворчу я, понимая, что теперь к сообщениям добавятся и звонки.

Мое отношение к Уиллу изменилось после смерти Хлои. Тогда я буквально потеряла дар речи. Произошедшее стало для меня таким потрясением, что я полностью ушла в себя. Еду в меня запикивали, ставили капельницы. Ежедневные встречи с психологом, но ему я рассказывала очень мало. Сначала лежала в клинике, потом дома в четырех стенах. Девочки из группы поддержки постоянно навещали меня (псевдо-подружки), но Уилл буквально вырвал меня из депрессии. Он всегда находился рядом. Не представляю, каково ему было разговаривать и гулять с девушкой, которая почти все время молчала и пугливо оглядывалась по сторонам. Я до сих пор слышала выстрелы и эти душераздирающие крики людей, ругань черных, и переносилась в ту вакханалию, проживая ее снова и снова. Со временем я пришла в себя, и Уилл был рядом, когда я в первый раз улыбнулась и сказала больше десяти слов подряд. После того, что он для меня сделал, я начала относиться к его одержимости мной иначе и, наконец, стала отвечать на его чувства. У меня не было безумной страсти к Уиллу, но с ним я никогда не чувствовала себя одинокой. Уилл и Джелена. Джелена и Уилл – мы стали образцовой парой среди кругов, в которых вращались наши семьи.

Такие идеальные.

Я никогда не любила его по-настоящему, но была привязана, очень. Мне, как и любой девушке, приятно чувствовать себя под защитой мужчины, чувствовать себя единственной, неповторимой и любимой.

Он сделал мне предложение, и я согласилась. Мы никому не сказали. Тайная помолвка на Мальдивах... белый песок под ногами, шум океанских волн и легкий бриз... думаю, я была счастлива. И хотела скорее покинуть родительский дом, который каждый день смотрели на меня так, словно я убийца. Я нуждалась в Уилле, нуждалась в нашем чертовом браке, держалась за него, как за спасательный канат, который не дает мне окончательно упасть в яму, где правят страшные воспоминания и собственные демоны. Но сейчас они на свободе, судя по тому, какой образ жизни я веду.

Не успели мы стать «образцовой парой», как Уилл изменил мне на одной из вечеринок в коллеже. Я узнала об этом во всех подробностях – видеозапись, которая поступила мне от анонима, забыть невозможно. Браун оправдывался, спирая все на алкоголь и секундное помутнение разума, но я не прощаю таких вещей. Просто гордость не позволяет.

Каждый раз наслаждаюсь, когда он пишет мне, а я посылаю его к черту. Браун должен уяснить, что минутный кайф не стоил того, чтобы упустить такую девушку, как я.

И я скучаю по нему, правда. Но... мой упрямый и горделивый характер не дает мне просто так взять и простить его. Когда дело касается моего уязвленного самолюбия, я превращаюсь в мстительную фурию.

Хоть и неземных чувств к нему не было, измена сильно задела мое самолюбие. Я лишилась опоры и поддержки. Без присмотра Уилла моя жизнь начала превращаться в хаос – вот в такие вот вечеринки, алкоголь, наркотики и прочие атрибуты «веселой жизни», которые помогали мне забыться. Хоть на миг приостановить выстрелы, раздающиеся в моей голове, и стереть из воспоминаний окровавленное, бездыханное тело моей сестренки.

Уилл же до сих пор не мог отпустить меня, и на самом деле на моем месте его простила бы каждая. На том видео прекрасно видно, что девушка его соблазняет, что он невинный, и она просто скачет сверху. Да и к тому же, кто не изменяет? Но это его не оправдывает...

Уилл не какой-то неудачник, он мужчина, купающийся в женском внимании. Любая ведется на его внешность, статус и деньги. И мы, правда, многое пережили вместе – не раз ездили отдыхать, проводили романтические вечера в самых лучших городах мира. Иногда я играла с ним во влюбленную дурочку, иногда в холодную и недоступную стерву. Но я никогда не теряла голову рядом с ним. Скорее испытывала благодарность за то, что был рядом, когда я потеряла Хлою – да, но не более того. А он с каждым годом влюблялся в меня все сильнее и сильнее, и этому не было никаких причин и никаких объяснений. После меня он встречался со многими девушками, но никогда не оставлял меня в покое.

Из моего описания можно подумать, что Уилл – слюнтяй без мужского достоинства и воли. Но это не так. Расчетливый бизнесмен с партнерами, пренебрежительный с другими девушками ... вся эта стена рушится, когда дело касается меня. Он настолько одержим мной, что мое присутствие полностью меняет его личность, и он становится тем самым парнем, моим соседом, который дарил мне плюшевых мишек.

– Он красив, чертовски богат, умен, идеален... а ты воротишь нос. Что с тобой не так?

– Мне не нужны отношения, ты же знаешь.

– Даже мне нужны отношения. Только, к сожалению, у моего парня нет миллионов на счету, как и у моих родителей. Они банкроты, я в долгах... еще чуть-чуть и я вернусь в эскорт.

– Эй, но ведь Чейз старается, – я останавливаю машину в Даунтауне рядом с небоскребом, в котором живет парень Наоми. – Скоро все наладится. И, пожалуйста, Наоми будь осторожна. Я начинаю переживать за тебя. Может, ты перестанешь...

– Прекрати, – отрезает она, спеша выйти из машины. – Кто бы говорил, Джи. Моралистка нашлась. Тебя не хватит надолго. Вот увидишь, – она приподнимает бровь и машет мне рукой, направляясь в сторону здания. – Спасибо что подвезла.

Так заканчиваются почти все вечеринки. С четверга по воскресенье частные дома на Голливудских холмах предлагают развлечения на любой вкус, и после тусовок в одном из ночных клубов ЛА мы с Наоми всегда находим парочку парней, которые проводят нас на закрытые вечеринки. На некоторые нас приглашают. Иногда это приличные светские мероприятия без алкоголя и наркотиков, но на них довольно скучно. Иногда такие, как сегодняшние – отвязная ночь, легкий секс, короткие незабываемые впечатления и тяжелый отходняк.

Моя жизнь соткана из этого. Нужно же как-то себя развлекать. У меня есть все, и я не утруждаю себя учебой или походами на работу. Все мои проблемы решаются взмахом пластиковой карточки, и это воспринимается, как данность. Привычка. Так было всегда, и я знаю, что мои деньги никогда не закончатся, и мне не нужно возвращаться к Уиллу, чтобы обеспечить себя до конца дней. Единственное, за что я могу сказать «спасибо» своим родителям – это деньги. Звучит отвратительно, правда?

Я и представить себе не могла, что в одночасье этот нескончаемый банк иссякнет, но это, черт возьми, случилось.

Несмотря на головную боль, не могу себе отказать в удовольствии проехать домой через Родео Драйв. Здесь каждая крупинка воздуха пахнет деньгами, роскошью и изобилием. Для тех, кто, конечно, может себе позволить это изобилие. Паркую свой Мерседес и выхожу из автомобиля, даже не пошатнувшись на двенадцатисантиметровых каблуках. И это после такой-то ночи. Даже сквозь солнцезащитные очки любуюсь улицей, которую украшают огромные размашистые пальмы, шикарные машины, стоящие вдоль всей улицы, и красиво одетые люди. Стильные, ухоженные. И, конечно, много китайских туристов, которые то и дело фоткаются с прохожими. Игнорируя подбегающего ко мне китайца с фотоаппаратом, я направляюсь прямо в бутик Dior, где собираюсь купить пару новых платьев.

– Здравствуйте, мисс МакАлистер. Чай? Кофе? Вы как раз к новой коллекции, – улыбается мне Бэтти – администратор бутика.

– Привет. Я в примерочную, принеси, пожалуйста, пять новых платьев, надеюсь, что-нибудь подберу, – достаиваю ее вежливой улыбкой, прекрасно зная, как смотрится моя «вежливая улыбка» со стороны. Снисходительно. И надолго застреваю в примерочной. Бэтти то и дело делает мне комплименты по поводу моей фигуры, но я не слушаю. На самом деле таких платьев у меня десятки, но я всегда покупаю еще и еще. Все еще надеюсь, что хоть какая-то из покупок принесет мне удовольствие. Но с годами интерес к одежде пропадает, особенно, когда можешь позволить себе все или почти все.

Головная боль начала отступать, и я думала, что ничто не способно испортить этот день, который я уже запланировала провести в СПА салоне на сеансе расслабляющего массажа. Выбрав два платья из новой коллекции общей стоимостью на семь тысяч долларов, я подошла к кассе и протянула свою карточку, которая никогда мне ни в чем не отказывала.

– Рады были вас видеть, мисс МакАлистер, – улыбается кассирша, проводя мою карту через аппарат. Раздается характерный писк, который сообщает о том, что операция не прошла, и я хмурюсь. Идиотка. Не может правильно провести карточку?

– Простите, мисс, но оплата не проходит. Недостаточно средств или...

– Что? Это ошибка. Проведи еще раз, – раздраженно отрезаю я, прожигая непутевую кассиршу взглядом. Девушка пробует еще раз и протягивает мне карту обратно.

– К сожалению, мисс МакАлистер с вашей картой какие-то проблемы, может быть, попробуем провести оплату другой?

– Ужасное обслуживание, – возвожу глаза к небу, убирая карту в сумочку. – Если бы у меня было время, я бы позвала менеджера. Но, к сожалению, я тороплюсь. И эти платья мне все равно не нравятся, – выдаю я и направляюсь к выходу, чувствуя себя так словно, на моем лбу написано «позор».

Черт. Такого еще не бывало. Не понимаю, в чем проблема. Звонок в банк заканчивается тем, что я узнаю, что средства на моей карте заблокированы. Все еще не веря в то, что это реальность, я еду домой. Бензин, как назло, стремится к нулю, а налички у меня нет...

Проезжаю надпись: «Бeverли Хилз» и сворачиваю на родную улицу, попадая в РАЙ. Серьезно, эдемский сад не был разрушен, его просто поместили в самое сердце Лос-Анджелеса. На улицах Беверли Хилз не встретишь грустных людей или толпы туристов: только спокойствие, красота, самые высокие пальмы в мире, бесконечные дома знаменитостей и просто богатых людей, предпочитающих уединение за высокими заборами и сады с собственными фонтанами и бассейнами. Пахнет моими любимыми пионами и свежестью. Это место и-д-е-а-л-ь-н-о. Воплощение американской мечты, ее олицетворение и доказательство того, что она достижима. В этом суть всего нашего народа – постоянно кормить свои амбиции, жить, как роботы, которые должны достичь своей цели. Красивый дом, бочка с деньгами... и чтобы все соседи завидовали. Именно этого хотят достигнуть амбициозные люди, и даже пентхаус в Нью-Йорке или особняк на Стейтен Айленде – это ничто по сравнению с домом в Беверли. И здесь живу я. Здесь родилась, и мне не пришлось даже мечтать обо всем этом.

Что ж, в этой жизни каждый вынужден играть с картами, которые им раздала судьба. Я не виновата, что у меня на руках тузы и козыри. Так вышло. Я не просила об этом.

Все деньги мира не способны вернуть мне сестру. И годы, проведенные в пустую. Родителей, которым важно мое душевное состояние, мои проблемы и мысли. Но им не было важно. Никогда. А после смерти Хлои стало еще хуже.

Я ставлю машину в гараж и поднимаюсь в пустую гостиную. Здесь тихо уже почти шесть лет... Мой взгляд скользит по минималистичному современному дизайну, по светлому и просторному пространству и останавливается на небольшом столе между диванами. Обычно я не ищу ни мать, ни отца и сразу иду в свой отдельный домик, где каждый уголок в моей полной

власти, но сейчас мне необходимо найти маму. Я беру со столика рамку и смотрю на фотографию, которую не брала в руки с Рождества.

Наверное, сентиментальный порыв связан с моим плохим настроением, но я чувствую, как мое обычно черствое сердце сжимается в груди и пропускает удар. Я касаюсь кончиками пальцев фотографии, разглядывая черты лица Хлои и ее улыбку.

Она всегда улыбалась. Не удивительно, почему ее все так любили. А она любила меня, несмотря на мой скверный характер и кучу недостатков. Если бы я только в тот вечер не взяла ее с собой... все сложилось бы иначе для нас обеих.

Зря я взяла фото. Не в силах терпеть нахлынувшие чувства, я ставлю фотографию на место, вычеркивая из своей памяти образ сестры. Не надо. Ее не вернуть.

– Рейчел! – кричу я, выходя на террасу с бассейном, и застаю там стройную женщину в красном бикини. Мама даже не смотрит на меня, когда я зову ее. Почти ничего нового. – Рейчел, какого черта мои карточки заблокированы?

– О, ты решила поговорить со мной. Удивительно.

– Я не собираюсь разговаривать с тобой, я просто хочу, чтобы мои деньги вернулись на законное место.

– К сожалению, дорогая, это невозможно, – приторно-сладким голосом отвечает мама. – Твоих денег больше нет. И ты будешь сильно удивлена, когда зайдешь в свой бывший дом.

– Бывший? С какой стати вы забрали мои деньги?

– С такой, что до двадцати одного года мы распоряжаемся твоим наследством, Джелена, – ненавижу, когда меня так называют. – И мы могли, как и преумножить так и растратить его. Мы с отцом решили принять кардинальные меры, – мама встает с лежака, подходит к столику со своей сумочкой и, роясь в кошельке, протягивает мне две пачки денег. – И вложили твои деньги в развитие нового бизнеса. И не надо на меня так смотреть. Ты знаешь, почему мы это сделали!

– Что это?

– Это на первое время. Снимешь себе комнату в Даунтауне, а потом устроишься на работу. Мы будем ждать тебя каждую пятницу за семейным ужином. Но больше ты ни копейки не получишь, – мама протягивает мне деньги, глядя с молчаливым укором. – Я долго терпела, Джелена. Но всему есть предел. Мне стыдно показываться на людях каждый раз, когда о тебе пишут подобные новости.

– И какие же? – скрещиваю руки на груди, мама тем временем берет со столика газету и тыкает меня в грудь. – Почитай на досуге. И бери деньги, – я оценивающе смотрю на пачку денег в руках мамы. Здесь несколько тысяч. Очень щедро, а значит маме в глубине души стыдно за то, что она выгоняет дочь, которую не замечала последние годы своей жизни, из дома. Как мило. Но мне не нужны ее подачки.

– БЕРИ, ДЖЕЛЕНА! – покраснев, она трясет передо мной пачкой денег, и я вырываю их из рук и, разрывая на две части, кидаю остатки купюр в бассейн.

– Да пошли вы. Я вас обоих ненавижу. Слышите? И не говорите, что не за что. Я всегда была для вас пустым местом, вы откупались от меня деньгами. А теперь устали и от этого, решив выгнать за дверь? Спасибо, мамочка. Вот она, безусловная любовь матери к ребенку!

– Ты думаешь, мы тебе зла желаем? У нашей семьи сейчас итак проблемы, и мы тебе говорили об этом, Джелена. И что мы получаем в ответ? Очередные статьи, где наша семья выставлена в грязном свете! Сколько было разговоров, сколько попыток вразумить тебя? Ты нас не слушаешь!

– Может, потому что вы поздно вспомнили о том, что я ваша дочь. Что я существую. Что не я умерла в тот день. Не я! – ледяным тоном произношу я, не давая своему голосу сорваться. Я давно не знаю, что такое слезы, и поэтому я мастерски скрываю свои эмоции, что бы я не

испытывала. – Хлоя же *любимая* дочка. А я так... побочный продукт. Разве не это вы мне вдалбливали все эти годы?

Мама поднимает руку и отвешивает мне болезненную пощечину. Я не чувствую боли, ощущаю лишь то, как все внутри меня закипает от столь пренебрежительного отношения. Ни один мускул на лице не выдает моих чувств, пока я окидываю ее взглядом полным презрения.

– От тебя воняет алкоголем, Джелена. Я надеюсь, это от одежды. И ты не садилась за руль в нетрезвом виде. Катись из моего дома, я тебя видеть не желаю, – шипит мать, отворачиваясь от меня. *Это должен быть самой родной и любимый человек для меня, и когда-то так и было. До того, как наша огромная семья не распалась на осколки, которые невозможно соединить вновь.*

– Прекрасно, мам. Давно было пора это сделать. С радостью покину этот дом, полный лицемерия и лжи. И кстати, отец спит со своей секретаршей. Ох... и не с одной, кажется, – я разворачиваюсь прежде, чем она хватает с ближайшего столика бокал с мохито и кидает его в МОЮ сторону. Если бы она попала в меня (а стояла я достаточно близко), она бы при замахе разбила его бы об мою голову.

Я убегаю к своему дому, тяжело дыша. Все в порядке. Ничего страшного не произошло. Я сильная и справлюсь с тем, что родные родители отказались от меня и вышвырнули на улицу.

Наверное, многие из вас подумают, что я это все заслужила, и за те несколько маленьких моментов, что я вам показала из своей жизни, у вас обо мне сложилось неприятное впечатление. Что ж, не буду разубеждать. Я действительно не святая, не идеальная, не невинная, и не хорошая. От некоторых поступков, которые я совершала, меня саму тошнит, но мне не страшно посмотреть вам в глаза и рассказать свою историю – такую, какой она есть. Я не ищу оправдания за свои поступки и не жду отпущения грехов, я лишь долгое время пыталась найти себя, а за одно и убийцу моей сестры. Хлоя была моей сестрой, больше чем сестрой. Моей частью, моей плотью и кровью, моим отражением. Но внутри мы были такими разными... ей достались все плюсы, а мне – минусы. Она – ангел, я – дьяволица. А вместе мы были единым целым.

Я и Хлоя стали звездами еще тогда, когда нам не стукнуло и года. Серьезно, еще до годика мы снимались в рекламе детского питания и прочей ерунды, а иначе невозможно, когда твой отец – звезда сериала восьмидесятых и создатель одной из крупнейших студий в Голливуде. Дальше пошли сериалы, в которых мы снимались с пеленок, ситкомы, и линия одежды для маленьких девочек от «Хло и Джи». Весь Голливуд навесил на нас клеймо «вторых сестер Олсен», но все резко изменилось, когда мне исполнилось лет семь. Что-то пошло не так, и мои интересы резко изменились, съемки перестали меня интересовать. В ЛА приезжал цирк du Soleil, и мы ходили на него в рамках школьных занятий. Все номера я смотрела, зевая и засыпая, пока на сцену не вышли акробаты в обтягивающих костюмах, инкрустированных разноцветными камушками. Никогда не забуду, как не могла отвести взгляд от их номера – пара взлетела в воздух на серебристом обруче и выделявали под куполом цирка волшебные вещи, которые находились за гранью моего понимания.

С тех пор мои родители не слышали ничего, кроме «я тоже так хочу», и я шантажировала их. Говорила, то если они не отправят меня в цирковую школу, я перестану ходить на съемки. У родителей был подписан контракт с Universal на новый фильм со мной и Хлоей в главной роли, но в отличие от Хло, которая занималась актерским мастерством сутками, я пропадала на занятиях по хореографии и акробатике и делала больше успехов. Самая гибкая, самая ловкая, и что скрывать – самая красивая. Моя фигура была создана для демонстрации пластики движений и возможностей человеческого тела – и это не мои слова, а слова моих преподавателей, которые пророчили мне славу. Папа был другого мнения – ему НЕОБХОДИМЫ были его дочери-близняшки, удачное вложение, идеальный коммерческий проект, который продлил бы его славу.

Мой папа не просто был знаменитостью, он был звездой, культом, хоть и славу ему подарил один комедийный сериал, популярный в те годы. Он, как и все актеры, мечтал вырасти в драматические роли и получить заветную статуэтку. Но его приглашали только в комедии, и золотой Оскар даже не смотрел в его сторону. Я видела в его глазах его мечты, когда он смотрел на Хлою. Ох, моя сестричка была создана для камеры, как и я для акробатики. Талантливая до смерти – она могла выдавить из себя слезы за секунду, а в следующую минуту уже заливисто смеяться, очаровывая всех своим обаянием. Я в это время оглядывала всех с ледяным выражением лица, не понимая, что от меня хотят, и почему я должна плакать, когда режиссер мне говорит это делать. Довольно унижительно...

Я захожу в свой опустевший дом, чувствуя, как гнев наполняет каждую клеточку моего тела. Большая часть моих вещей сложены в коробки, которые хочется разорвать на части, а вещи сложить на их законные места. Но гордость не позволит мне остаться, после того, что мама сказала мне. Наконец, они вздохнут свободно. Потеряют своего третьего ребенка, потому что общаться с ними больше не намерена. Митчел уже однажды ушел из дома и не вернулся. Они винили его в смерти Хлои. Не говорили вслух, но взглядов и отношения было достаточно.

Теперь пришла и моя очередь. В Лос-Анжелесе оставаться пока не имеет смысла – не хочу, чтобы родители знали, отслеживали мое местоположение по фотографиям папарацци. Я хочу пропасть с их радаров, поменять телефон и вычеркнуть себя из их жизни. Но нет, это они меня вычеркнули. И давно...

Я кидаю все самые необходимые вещи в огромный чемодан с такой яростью, словно он виноват во всех моих бедах, а не я сама. Но ничего, я справлюсь. Черт возьми, мне нужна работа. Глупо было отказываться от денег «на первое время». Порывшись в нескольких сумочках, я наскребла девятьсот двадцать пять долларов и пять центов. Ничтожно мало, чтобы жить так, как я привыкла. Обычно я тратила столько в день, или даже в час... и никогда не работала нигде – съемки и подиум не считаются. Это было давно, и эти деньги я давно потратила на шмотки, машины и салоны красоты. А то самое «наследство», которое у меня уже отняли до двадцати одного года, принадлежит родителям. Жизнь не справедлива. Я не представляю, кем я могу работать. Официанткой, прислужой? Ужас какой. Податься в эскорт, как Наоми? Но я знаю, что это никакой не эскорт вовсе, а настоящая проституция. Я пока не готова пасть так низко. Но мне нужны деньги. Я люблю деньги. Нет, не так. Я люблю свободу, которую они дают.

Я закрываю чемодан и заглядываю в последнюю непроверенную мной коробку – когда я вижу то, что внутри, она чуть не выпадет из моих рук. Точно. Не стоило рассчитывать на то, что мама оставит себе мои награды. В коробке лежат мои кубки, медали и грамоты, полученные за обучение в школе акробатики. Первые места, призы зрительских симпатий на многочисленных конкурсах... после смерти Хлои я на какое-то время полностью погрузилась в спорт, и в этом нашла лекарство от своей боли, пропадая в зале часами. *Родители не пошли посмотреть ни на одно мое выступление... ни на одно, понимаете?*

И я до сих пор не знаю, почему. Почему с Хлоей мама ходила на каждый гребанный кастинг, а я была вынуждена говорить со сцены «спасибо моим родителям, я вас очень люблю» и знать, что никто меня не слышит.

Я смотрю в зеркало – самое время всплакнуть, но мои веки по-прежнему сухие, а взгляд прямой и хитрый. Все слезы давно выплаканы, и в мире нет человека, который вызовет во мне хоть какую-то бурю эмоций. Иногда, конечно, хочется заставить себя поплакать. Мой психолог говорил, что нельзя все держать в себе. Но у меня не получается, отвыкла.

Я беру самый дорогой для себя кубок, дипломы и грамоты, и складываю их в чемодан. Они мне пригодятся там, куда я отправляюсь. Конечно без опыта работы бывшую звезду акробатики вряд ли возьмут туда, куда я хочу, и все же... попытаться стоит.

Набираю телефон Наоми, выкатывая чемодан за собой.

– Я еду в Вегас, – просто заявляю я, слишком сильно сжимая телефон в руке. Только бы она поехала со мной. Я нуждаюсь в поддержке, пусть даже своей непутевой подруги.

– Что? Тусоваться, Джи? Но сегодня еще среда. Хотя да, отличная идея! В пятницу приезжает Кэлвин Харрис, мы могли бы съездить туда на выходные. Закажешь номер в Encore? – боюсь, дорогая, Encore и 500 долларов за ночь мне теперь не по карману.

– Ты не поняла, Наоми. Я переезжаю в Вегас. Ты же давно хотела там поработать. Куча туристов, а богачи разбрасываются деньгами. К тому же, там можно быть собой, и никто тебя не осудит за некоторые «шалости».

– Ты с ума сошла, Джэл? – слышу на том конце провода визг. – Что случилось? Расскажи мне все с самого начала...

Я почему-то чувствую, как она улыбается. Что-то подсказывает мне, что подруга согласится, а это значит, что сегодня я начинаю новую жизнь. Обычно выражение «новая жизнь» означает заняться собой, больше читать, есть полезную еду, и встать на путь исправления... только в городе Грехов все наоборот, и туда едут такие как я, потерянные души, в надежде затеряться еще больше, чтобы не было так мучительно больно осознавать свою никчемность.

Глава 3

Тайлер

Прошел год с тех пор, как меня выпустили из тюрьмы, а кажется, что я ни на грамм не приблизился к заветной цели. Уилл Браун по-прежнему дышит. Сколько раз я видел его в Вегасе? Дьявол знает, каких усилий мне стоило сдержать внутреннего беса, который был готов немедленно схватить его и лишить жизни одним движением. Но я хотел, мечтал видеть его на коленях. Ободранного, нищего, лишённого всего, что имело для него значение.

Я пушу по миру всю его гребанную семейку. Они заслужили каждый пуд боли, что их ожидает. Эти твари не имеют права ходить по земле и быть ее королями.

Сукин ублюдок получил от родителей целую империю: клубы, магазины, банки и, наконец, игровой бизнес – его чертов отель «Цезарь» в Вегасе вместе с одним из самых крупных казино, приносит ему горы денег. Мастеров игры, которые обчищают казино, он вовремя «убирает».

Я потерял родителей, когда мне было двенадцать. Мама была учительницей английского языка, а отец... правой рукой лидера «Dragons», но, как и вся элита банды вел двойную жизнь: завел легальный бизнес, притворившись добропорядочным членом общества. Но ни дом в Beverly Hills, ни жена с ангельской внешностью не помогли Кристоферу стереть грязное пятно с его репутации и заглушить слухи, которые ходили вокруг его персоны.

Я плохо помню свое детство. Помню, что мама оберегала меня от всего, что я не должен был видеть. *Но я видел. Каждый раз. До сих пор вижу, когда закрываю глаза... как она плачет и берет меня на руки, позволяя прижаться лицом к ее груди. Отец возвращается домой. Руки по локоть в чужой крови, плечо прострелено. Он скрывается в своем кабинете, где его уже ждет врач нашей семьи, при этом выражение лица у папы такое, словно произошло нечто само собой разумеющееся.*

Словно ему не больно – ни убивать, ни самому быть раненым. Думаю, он был одержим не своей настоящей семьей, не нами, а семьей, которая слепила его таким – безжалостным, черствым, машиной-убийцей, владельцем грязного бизнеса и денег, который сделает все, что прикажет лидер, чтобы сначала завоевать его доверие, а потом занять почетное место, когда его не станет.

Раньше я не знал, кто убил мою мать, но теперь, когда я разбираю по щепочкам мотивы Брауна, я понимаю и вижу, что наша вражда продолжалась многие годы. Это началось задолго до того, как мы с Уиллом возненавидели друг друга. Брауны присоединились к бразильскому мафиозному клану, который выглядел куда менее кровавым, чем «Dragons», «Crips», «Hells» и другие банды и преступными группировками. Никаких уличных убийств, разборок между вражескими синдикатами и строгой иерархии. Лишь игорные дома и закрытые клубы для своих с проститутками и бесконечным потоком алкоголя и наркотиков. У этой группировки нет иерархии, как у нас, и отследив многовековую историю семьи Браун, я увидел, что почти все их предки были так или иначе связаны с верхушками власти и политиками. Теневые правители, покупающие мировых судей и чиновников страны. Конечно, они ненавидели «dragons», которые пришли на их землю с другого континента и начали диктовать свои правила. Началось с малого – «Dragons» просто забирали наркотики, оружие, алкоголь (во времена «сухого закона») и лишали другие банды возможности нормально вести свою деятельность. Не щадили никого, жестоко расправляясь со всеми, кто вставал у нас на пути. Это длилось больше века, пока «Dragons» не подмяли под себя множество банд, и теперь, так или иначе, они все подчинялись нашему лидеру.

Я помню, когда умерла мама. В ту ночь отец привел меня в штаб-квартиру банды, где состоялась мое первое посвящение. Они промывали мозги с детства, растили идеальных преступников, которые пойдут на все ради банды.

Как я уже говорил – секта.

После смерти матери отец просто исчез, я был слишком мал, чтобы понять, что произошло. Возможно, сейчас он уже умер. Именно такая «кара» могла настичь правую руку лидера, продвинувшись так далеко, он отказался от всего, что ему доверили. Мне было двенадцать. Мы с Блэр, моей сестрой, остались одни.

Но это еще не все... когда мы остались одни, нас не забрали в приют, как я ожидал. Мы оказались в семье Браунов, и они стали нашими официальными опекунами. Сэт Браун заявил, что он мой дядя, брат моего отца. Он рассказал длинную историю, которую я почти не слушал. О том, что они с братом вечно соперничали и их война переросла в то, что Сэт наперекор брату связал свою жизнь с вражеской преступной группировкой. Он сказал, что если я вырасту по его правилам и приму его как отца, то получу все – деньги, власть, успех и никогда не вернусь на «улицу», с которой и начинают все, кто стоят на самых нижних ступенях в «Dragons».

Конечно, для меня это стало потрясением, но рассыпанный и разбитый пазл начал складываться в единую картинку – он убил мою мать. Из ревности. Кто еще мог? Я видел, как он смотрел на меня. Как на ублюдка, как на маятник, который напоминал ему о том, что его любимая предпочла другого. Не знаю точно, что скрывало их общее прошлое, но они оба любили ее. Я нашел мамину фотографию в выдвижном ящике его рабочего стола. Несколько. И их совместные тоже. Но мама выбрала его родного брата, которого он ненавидел. Я не мог воспринимать Сэта Брауна как своего отца, а Уилла как брата. Сэт терпеть не мог нас с сестрой... Блэр была старше меня на три года, но еще слишком юна для того, чтобы вытерпеть то, что приготовил для нее этот ублюдок.

Такая милая девочка. Моя Блэр. Когда-то она была так похожа на маму. Ангел воплотил, которого он испортил. Гребанный извращенец... Она сопротивлялась и кричала, а я мечтал, что когда-нибудь убью этого ублюдка, который смеет называться нашим дядей. Я мечтал стать сильным, другим. Таким, как мой отец, бесстрашным. Но что я мог сделать в двенадцать лет? Я попытался. Напал на Сэта, пока он спал, с кухонным ножом, но прирезать за сестру его так и не удалось. Блэр изменилась, она, кажется, даже меня не узнавала от шока. Сошла с ума. Сэт выкинул меня на улицу, и еще тогда я поклялся отомстить. Но попав в банду, я забыл о своем прошлом, оно ушло на второй план. Они умели стирать его, гипнотизируя и внушая новые цели и принципы.

Сэт сделал из Блэр проститутку, и, когда в последний раз я видел сестру, я не хотел верить... Обдолбанная грязная нимфоманка, помешанная на сексе. Он полностью сломал ее личность, прогнул под себя, изменил до неузнаваемости.

Вы еще не верите, что моя жизнь – это уголок ада на земле? Все девять кругов, по которым я мотаюсь год за годом, не в силах найти выход, сойти с дистанции. Я слишком силен, чтобы отказаться от жизни, какой бы она ни была, к тому же я не могу думать ни о чем, кроме дня, когда отниму у Браунов все.

Все деньги, которыми обладал мой отец, были завещаны мне, но поскольку я еще не был совершеннолетним, они автоматически перешли к моему «опекуну». Сэт отнял все до копейки, вложив их в свой многомиллионный бизнес. Я был маленьким, никто не собирался делать меня лидером, несмотря на положение отца, поэтому меня приняли в банду, но на общих условиях. Как и все я начинал с малого. Обучение. Воровство. Хулиганство. Первая партия наркотиков. И много, много денег, полученных с их продажи.

Все девизы банды, все наши правила и мировоззрение высечены у меня на сердце. Кем бы я ни был, кем бы ни захотел стать, я навсегда останусь одним из Драконов – моя кровь принадлежит им, и сопротивление бесполезно. Какой бы силой воли ты ни обладал, если ты

вступил в подобное сообщество с малых лет, ты больше никогда не сможешь избавиться от убеждений, которые воспитала в тебе твоя семья.

«Кровь за кровь, и твоя кровь принадлежит лидеру» – это клеймо, девиз, от которого не убежать и не избавиться.

Но четыре года назад я оставил все. Ради сына, которого со мной больше нет. Когда он начал подрастать, я смотрел на него и понимал, что возможно, он вскоре останется один. Рано или поздно меня убьют. Я был под постоянным прицелом, иначе и невозможно, когда ты являешься частью клана. Я чувствовал, что это неправильно. Иногда это наступало как прозрение. Пробуждение от сна. Когда я убивал очередного соперника банды, когда переправлял огромную партию наркотиков через границу, я чувствовал себя так, словно мне навязали все это. Привили с рождения быть таким. Я мечтал о лекарстве от этого вируса, от этой болезни, от этого образа жизни...

Я хотел изменить все, чтобы разорвать этот порочный круг. Хотел, чтобы мой сын мог сам выбирать, кем он станет. Чтобы ему не пришлось видеть, как умирает Клара, попав под горячую руку одного из наших врагов.

Итак, прошел год. А убийца моего сына еще даже не ступил на горящие угли, которые я для него приготовил. Он улыбается, раздавая интервью, славится успешным бизнесменом и метит в конгресс, получая все, что он пожелает.

Я превращу его цели в пепел и заставлю жрать его ложками, пока он не задохнется.

– Ну что, есть что-то новое? – смотрю на ночной Лас-Вегас, утопающий в огнях у моих ног. Оперевшись одной рукой на стекло панорамного окна, бросаю взгляд на Джексона. За год я не продвинулся к своей цели, но вернулся к старому. Мне пришлось. Я заключил сделку с дьяволом, то есть с лидером, которому принадлежал один из самых шикарных отелей Вегаса – Мираж. Я на все пошел, чтобы он закрепил меня и Джексона за этим отелем. Конечно, я был нужен ему. Он нуждался в моих лидерских качествах, в моей силе и умении влиять на людей, в моей мотивации уничтожить Браунов, которые давно нам мешали. С помощью шантажа, угроз и давления мы ломаем его и заставим продать бизнес за бесценок. Я проделывал это много раз, но еще никогда у противника не было столько охраны и так мало слабых мест.

Обычно приходилось угрожать ублюдкам постарше, а у них, как правило, всегда были дети.

Звучит отвратительно. Но каждый находится в плену своих убеждений и рамок, и мои границы поставило общество, в котором я вырос. Рождение Эйдана расширило их. Я словно прозрел после долгих лет слепоты...

Лидер заставил меня поклясться, что когда я достигну цели, моя жизнь будет принадлежать клану. Я больше не смогу уйти. Только умереть. А это значит, что когда я удовлетворю свою жажду вендетты, я стану пешкой в руках лидера. Любое его слово – закон... снова.

Не хочу лишать себя воли. Но сейчас ничего не имеет значения, кроме того, как увидеть Брауна сломленным, подышающим, бедным и отчаянным. А пока я вынужден смотреть на его рожу, которая улыбается мне со всех первых страниц.

– Сестра Брауна, Линдси, пока на Мальдивах с охраной. Мы до нее доберемся, нужно только дождаться момента, – друг подходит к барной стойке и наливает себе виски.

– Я слишком долго ждал, – сухо отрезаю я, кидая уже пустой стакан в стену. Друг приставляет, глядя на битое стекло и пожимает плечами.

– Есть кое-что другое. Бывшая девушка. Но он неоднократно ей изменял, думаю их отношения – фейк, и эта крошка не имеет для него ценности. Союз двух богатых семей. Хотя, как знать, – он кидает журнал на барную стойку, и я бросаю взгляд на открытую страницу.

Джелена МакАлистер. Такую трудно забыть, как и тот день, когда «Dragons» перестреляли черных из вражеской банды Crips. Задели нескольких невинных людей. Я был тогда там. Мы любили погонять на треке и не думали, что конфликт из-за утерянной партии наркоти-

ков перерастет в перестрелку. Кто-то из Crips подложил братьям муку вместо кокса, кто-то из наших проверил не весь товар... это не так важно. Страшно, что погибли люди, которые не принадлежали нашему миру.

– Она другая, – произносит Джексон, и я понимаю, что он имеет в виду.

Для меня Джелена всегда была особенной. Моя маленькая лиса. Моя одержимость, которую я смог победить. *Помнит ли она тот день?* Разумеется, нет. Но я всегда за ней наблюдал после того случая, до того, как она не попала в больницу после смерти сестры. Но судьба, должно быть, издевается, постоянно возвращая Дженну в мою жизнь.

Со страницы журнала на меня смотрят хитрющие глазки, и я хорошо помню, как мне было трудно отвести взгляд от этой лисички, тогда под мостом. Секс с Клариссой не приносил удовлетворения и давно. Я был слишком молод, чтобы остановиться на теле одной девушки. И мисс МакАлистер удалось привлечь мое внимание своим взрывным характером и цепким взглядом.

А может меня заводил дух соперничества, и я, и правда, хотел отнять девушку у Джексона. Этот дух также заложен во мне бандой. Мы всегда соревновались за место, за продвижение по лестнице клана. Я не любил проигрывать.

Я захотел ее трахнуть, как только увидел на треке. Не то, чтобы у меня не было вариантов получше. Были. Ей было всего пятнадцать, а у меня в запасе имелись красотки с пышными формами и большими задницами, а я положил глаз на девчонку с острыми коленками и еще не до конца сформировавшейся грудью.

Она притягивала взгляд. К тому же мне элементарно хотелось, чтобы такая горячая крошка не досталась Джексону.

Он хоть и был моим лучшим другом, моим братом, но я все равно предпочитал, чтобы все самое лучшее доставалось мне.

– Помнишь ее?

– Нет, – отрезаю я, брезгливо морщась. Я разглядываю очертания губ девушки, застывшие в легкой ухмылке. Я забыл вкус ее губ, но помню, с какой страстью и сопротивлением тогда отвечала эта малышка.

После нее было столько девиц, а я помню... и на это есть много причин. Я и Джелена МакАлистер были знакомы еще до того проклятого вечера, но теперь кажется, что это было в другой, прошлой жизни.

– Брось. Ты ее помнишь, – Джексон приподнимает бровь, глядя на меня так, словно пытается прочесть мои мысли по выражению лица. Зря старается. Мне не нужно носить маску, чтобы скрыть свои чувства и эмоции, и даже острое желание, которое ощущаю, когда вижу Джэл. – Ты вспомнил ее и тогда, на треке. Две сестренки Митчелла. *И та история, когда вы были маленькими. С двенадцати лет девчонка не покидает твоих мыслей,* – он демонстративно постучал указательным пальцем по своему виску.

Кидаю на друга гневный взгляд. Я не рассказал бы ему о том случае в трезвом состоянии. Значит, он знает. Джелена единственная девушка в мире, которая всегда вызывала во мне тот дикий, необузданный интерес, с которым пришлось смириться. Подавить. Я бы не хотел ввязывать ее в свой мир, особенно после того, что она пережила, потеряв сестру.

– Допустим. Не покидала моих мыслей. Это было давно. Сейчас я вижу просто красивую куклу, которую не отказался бы трахнуть. И даже не один раз.

– Я не видел ее с того вечера. Мы, вроде как, встречались. Пару недель.

– Мне это не интересно, – скучающим тоном бросаю я. – Я думаю только о том, как лишу Брауна всего: места в правительстве. Бизнеса. Денег. Репутации. Он карьерист. Власть – его слабость и лишь она имеет для него значение.

– Может быть, ты прав. Но мы должны иметь в виду всех, кто ему дорог. Связь с сестрой очень сильная, поэтому мы и ведем охоту на Линдси, – друг включает планшет, на экране

которого отображена карта с красной точкой. С несколькими маленькими точками, и у каждой есть имена. – Но ты же знаешь, мы не отпустим Линдси, когда Уилл пойдет на наши условия. Она умрет.

Чувствую, как ноздри раздуваются от злости, сжимаю зубы до скрежета. Расслабляю галстук, который мешает дышать полной грудью.

Меня терзают противоречивые чувства. Линдси не виновата в грехах своего брата, но разве меня должно это волновать? Нет, черт возьми, нет, не должно. Меня этому обучали. Но меня волнует. Мне жаль девчонку.

Но потом я вспоминаю мертвого Эйдана на своих руках, и алая пелена застилает все вокруг, превращая меня в животное.

– Она – твоя цель. Ты сказал найти слабое место, я нашел. А если бы это была Джелена? Я имею в виду... ты привязан к ней желанием и нелепыми воспоминаниями, почему бы тебе не закончить с этим. Ты бы видел себя, когда я показал тебе ее фото. Давно не видел тебя таким. Больше трех лет. Может, пора покончить с одержимостью и детским воспоминанием? *Может, она не стоит того, чтобы из-за нее тормозить свои планы и быть таким чувствительным?*

– Ты меня с кем-то путаешь, Джексон. И я сам разберусь, что мне делать, – снисходительно отрезаю я, одним взглядом заставляя друга замолчать. И это при том, что сейчас, когда я вернулся в Dragons, я стою на ступень ниже него.

Я молчу, глядя в одну точку, не показывая кипящих внутри эмоций. В любой момент что-то может пойти не так и пойдет. Сестра Брауна... достаточно ли ценна пешка? Кто знает, какие у них на самом деле отношения.

Но Джелена. Она никак не касается этой гребанной семьи.

– Она не должна расплачиваться за грехи Браунов. К тому же, у Брауна десятки таких шлюх, бить по ним довольно бессмысленно. Я хочу, чтобы Линдси была здесь, как можно скорее. Мне бы не хотелось ее убивать. Они сделали из моей сестры шлюху, почему бы нам не поступить также?

– С каких пор, ты боишься замарать руки? Разве тебя волнует чья-либо жизнь, когда дело касается Эйдана? Его жизнь никого не волновала, почему тебя волнует жизнь двух подстилок?

Внутри меня просыпается спящий зверь, расправляет огромные крылья и изрыгает пламя, когда я вспоминаю лицо Эйдана.

– Пойми меня правильно. Чувства делают нас...

– *Слабыми.* Я помню, – закончиваю я одно из правил кодекса. – Но к Джелене у меня их и нет. С самого начала это было всего лишь желание, одержимость девушкой. – Если бы она стала моей, последствия бы были необратимы. Ей не место в нашем мире. Как не было места для Клары и Эйдана, – едва слышно шепчу я, глядя на Джиджи. Устоять перед ней трудно. Может, другие не видят того, что вижу я, но буквально каждый изгиб ее тела кричит о том, что она сотворена для греха, острых ощущений и запретных игр.

В ней есть тьма... тьма, которая необходима мне, чтобы я воспринимал женщину, не как жалкое безропотное существо, о которое можно вытереть ноги, потоптаться, пройтись и исчезнуть. В ней есть самодостаточность, гордость, вызов – и все это читается даже на этой жалкой фотографии, что уж говорить о встрече в реальности.

Как бы я не старался отговорить себя от затеи получить ее, в глубине души я сразу все для себя уяснил.

Я хочу ее.

– Женщины, с которыми мы спим, не становятся частью нашего мира, – напоминает Джексон, скривив губы на слове «женщины». Для него уж точно все без исключения шлюхи. – Поэтому, советую тебе иметь в виду. Малышка в Vegas. Я был очень удивлен, когда увидел, в качестве кого она тут.

– И в качестве кого же? – не озвучиваю вслух ту мысль, что сразу пришла в голову, но она мне очень не понравилась.

– Официантки, – друг по-прежнему всматривается в мое лицо, словно ищет там признаки слабости или сильных чувств к девушке. Не дождется. Конечно, я его понимаю. Он не хочет, чтобы повторилось ситуация с Кларой. Когда в жизни брата из нашего клана появляется что-то большее, чем развлечение на несколько ночей, у всех нас большие проблемы. Привязываться, влюбляться – это тоже нарушение кодекса.

– Она не так легкодоступна, как кажется. Конечно, была замечена в краткосрочных связях – пагубное влияние ее подружки. Она либо использует мужчин ради удовольствия, либо отшивает их.

– Использует мужчин? – глухо смеюсь я, чувствуя, как терпкий виски обжигает горло. – Интересно было бы посмотреть на то, как она будет меня «использовать».

– И обычными ухаживаниями ее тоже не удивить.

– Джексон, чего ты пристал? Если так нравится, ухаживай за ней сам, – резко закрываю гребанный журнал, ударяя по нему кулаком.

– Я просто напоминаю, что ты теперь снова стал частью «Dragons». И если Джелена давно так важна для тебя, рано или поздно этим кто-то воспользуется. Я не хочу, чтобы все повторилось... как с Кларой и Эйданом. Вот и все, – друг отводит взгляд в сторону, ему тоже тяжело говорить об Эйдане.

– *Она. Мне. Не. Важна! Это. Было. Давно,* – чеканю я и снова наливаю себе виски. – Пойдем лучше в «Опиум», пора снять это напряжение.

Джелена

Лас-Вегас

– Вы нам не подходите, – именно эту фразу я слышала на собеседовании в любом шоу, куда пыталась устроиться.

Я рассчитывала, что в Вегасе, где почти в каждом из отелей, расположенных на бульваре Strip, проходит цирковое шоу, в том числе и самые знаменитые из них Цирк du Soleil и Zumanity, для меня найдется хоть какое-то место. Пару раз мне предлагали вторые роли, но я ответила категорическим отказом. Лучше буду работать официанткой и протирать грязные столы, чем стоять на сцене в тени других артистов.

Я привыкла к другому. Привыкла получать цветы после своих выступлений. Любила поражать людей красотой своих движений, находясь внутри обруча на высоте двадцати метров, и слышать восторженные «ох» в зале. Спускаться на землю и видеть в глазах зрителей восхищение вперемешку со страхом.

Это то, что я искренне любила всем сердцем. Моя отдушина, мое любимое дело, которое спасало от удушливого чувства одиночества, которое стало вечным спутником моей жизни после смерти Хлои.

И я скучаю. Когда-то именно за номер на полотнах я получила свою первую значимую награду, а вместе с ней и приглашение в этот самый цирк du Soleil. А сейчас они заявляют, что «я им не подхожу». Все потому, что пять лет перерыва – целая вечность для такого спорта.

Все мои награды ничего уже не стоили, потому что не было ни единой бумажки, которая бы рассказала работодателю о моем опыте работы за последние пять лет. А что я делала последние пять лет своей жизни? Они пролетели за один миг – целые часы потеряны на бессмысленных вечеринках, годы проведены впустую. *Я хотела забыться... и у меня это получилось.*

И мне кажется, я до сих пор не могу проснуться, очухаться, осознать... что *тогда* произошло.

Конкуренция среди артистов слишком высока, работодатели даже не дали мне возможности показать им свои умения. Разговор был короткий: «мы не нуждаемся в новых звездах», закрытая дверь перед носом.

Спустя месяц постоянных отказов я сдалась, потому что устала жить на окраине Вегаса по соседству с клопами и плесенью в жалком мотеле, где не встретишь никого приятнее бомжа или обдолбанной парочки, которая только что поженилась в городе греха.

Так странно жить в таком гадюшнике и издалека наблюдать, как по ночам горит Strip бульвар – самое сердце Лас-Вегаса, эпицентр похоти, разврата, безостановочного веселья, алкоголя и денег... целых гор денег, которые оставляют здесь несчастные игроки. Они сидят за игровыми столами и автоматами часами в надежде сорвать большой куш, но почти все уходят ни с чем. Везет единицам, и то лишь тем, кто играет в рулетку, блэк-джек или покер, а не бездумно нажимает на кнопки игровых автоматов. Все машины запрограммированы на проигрыш, и нужно быть полным идиотом, чтобы не понимать этого. Но многие из игроков больны, ослеплены мечтой стать теми самыми «счастливчиками», которые проходили мимо и срубили в автомате двести тысяч за пять минут.

Вся Америка устроена так, что люди здесь мечтают разбогатеть в одночасье. В любом супермаркете можно купить лотерейный билет, который обещает счастливчику выигрыш, достигающий пятисот миллионов долларов. Баснословные деньги. Некоторые скупают билеты мешками, но богатеет лишь компания, которая устраивает эти лотереи. Здесь все одержимы деньгами и помешаны на том, как бы их выиграть, украсть, заработать... Американская мечта. Каждый из нас запрограммирован на жизнь в изобилии или стремлению к нему, к свободе, к лучшей жизни. Вот и я кручусь по Вегасу, пытаюсь заработать пресловутые деньги вместо того, чтобы разрешить свои проблемы с родителями и разобраться с «мусором» в своей душе, накопленным за многие годы.

Мои отказы закончились тем, что я устроилась официанткой на шоу «Zumanity» и была вынуждена каждый день лицеизреть, как кто-то другой выступает на сцене, но не я. «Zumanity» – цирковое шоу с элементами эротики, но мои красивые глазки и гибкая фигура не подействовали на стерву, с которой я общалась на собеседовании. Мужчину я бы убедила, но мне не повезло.

Роль официантки меня не устраивала, а вот Наоми была вполне всем довольна, подрабатывая стриптизершей в клубе в здании этого же отеля – Мираж. Мы перебрались из дешевого мотеля в более приличное место – небольшая тесная квартирка с облезлыми стенами и старым ремонтом. С крыши постоянно что-то капает, воняет сыростью. Здесь из каждого уголка несет бедностью и моим отчаяньем. Но нет тараканов и клопов, что уже большой плюс. Мы снимаем крохотную комнату в этой квартире, но почти никогда не видим своего соседа.

Черт возьми, всю жизнь у меня был огромный дом с бассейном и джакузи, а теперь я радуюсь, что по полу не ползают тараканы. Как быстро меняется моя жизнь.

– Я устала от этого, Наоми, – бормочу я, открывая дверь в нашу темную и тесную квартирку. Шесть утра, еще одна ночная смена позади. Наша соседка по комнате не спит – Диана снимает комнату с нами. Нелегалка из России. Мы нашли ее, чтобы уменьшить стоимость аренды за комнату. Работает за наличку в одной подпольной русской фирме, которая возит туристов в Аризону – на великие каньоны. Диана из тех девушек, которые не выпускают из рук книгу и постоянно пытаются сумничать. Она то и дело осуждающе глядит на Наоми, когда та возвращается в своем кожаном прикиде для танцев с кучей денег, торчащих из белья.

Думаю, мисс «правильная девочка» покинет нас, как только узнает, что Наоми употребляет. Хотя, мне Диана нравится – иногда она напоминает мне Хлою.

Ди светлая, и, честно говоря, я завидую ей. Она неиспорченная, непорочная, невинная, чистая... даже внешне она напоминает ангелочка с ее светлыми волосами и пухлыми губами.

Щечками, как у подростка. Она найдет здесь мужа, получит американский паспорт и нарожает кучу детишек где-нибудь в Северной Каролине.

– От чего? – мы застаем Диану на тесной кухне, которая выглядит куда лучше, чем днем – новая соседка просто помешана на чистоте и порядке. – Будете ужинать? Точнее... уже заваривать, – она откладывает книгу «Тайна великих каньонов» в сторону и подбегает к холодильнику, чтобы достать кастрюлю с макаронами. Черт, я без ума от этой русской девчонки. А говорят, что в России все злые и неприветливые. Без Дианы мы бы умерли с голоду или растолстели, постоянно питаюсь фаст фудом.

– Устала всем вежливо улыбаться, устала от фразы «чего еще желаете?», устала от того, что приходится скрывать свою фигуру за формой официантки, устала от того, что нельзя флиртовать на работе... – ворчу я, садясь за барную стойку, и скидываю с себя каблук. – Я устала так жить! Двенадцатичасовая рабочая смена, один выходной в неделю, весь день на ногах и люди, которые относятся ко мне, как к человеку «второго сорта». Это ужасно. Не могу больше.

– У кого-то просто давно не было секса, – приподнимает бровь Наоми, напоминая мне о том, что я давно ни с кем не спала. После той вечеринки я приостановила свою бурную интимную жизнь. Когда ты постоянно на нервах, когда после двенадцатичасового рабочего дня не хочется ничего, кроме как бухнуться в кровать и уснуть, ни о каком сексе не идет и речи. К тому же от него я тоже устала. Промолчу о количестве своих сексуальных партнеров. Мне кажется, Диана умерла бы, если бы я озвучила ей эту цифру. Я и сама не знаю, сколько точно... но я никогда не ощущала настоящего вкуса близости, об оргазме вообще молчу. Я не знаю, что это такое, по крайней мере, с мужчиной. Конечно, можно самой получить желаемое, но это *не то... знаю, что не то*. Каждый раз во время секса мне приятно, бывает даже хорошо, но в последний момент удовольствие пропадает, и я имитирую. Устала. Изображать удовольствие, и еще больше устала от жуткого чувства опустошения, которое накрывает меня после коронной мужской фразы «Я все. Ты была незабываема».

Каждый раз хочется ляпнуть: «А ты нет».

Наверное, пришло перенасыщение. Меня уже не удивить ни красивым телом, ни большим членом, ни чертовским очарованием. Я даже не знаю, каким мужчиной нужно быть, чтобы я на него посмотрела и захотела искренне – с макушки до пят. Я не из тех девчонок, что текут от одного прикосновения. Скорее наоборот, это мужчины не могут себя контролировать рядом со мной.

– Ну, я, по крайней мере, не раздвигаю ноги за деньги, – отрезаю я жестко. Я никогда не даю себя в обиду, вот и все. А лучшая подруга часто не следит за языком.

– Девочки, с вами невозможно разговаривать, – щебечет Диана, ставя перед нами тарелки с горячей пастой. – Как можно быть такими... беспринципными что ли?

– Как можно быть такой святошей, Ди? Ты бы попробовала разок. Тебе бы понравилось, – мурлычет Наоми, нападая на макароны. – И кстати, Джэл, у меня завтра рабочая смена с одним мужчиной из списка встреч совпадает. Может, заменишь?

– Сейчас, размечталась. Я не буду спать с каким-нибудь стариком, даже ради денег.

– Тысяча долларов. В час. Молодой, красивый. И с ним спать не обязательно – всего лишь сопроводить на прием на пару часов, а потом помашешь ручкой. Решайся, Джэл. А то я начинаю не узнавать свою подругу. Джинсы, майка... волосы в хвостике. С каких пор ты стала серой мышкой?

– Может, с тех пор, как у меня отняли ВСЕ, что у меня было.

– Хорошо, можешь никуда не идти. Кстати, вы не забыли, что завтра мы оплачиваем жилье? По восемьсот с каждой.

Вот сучка. Бросаю на Наоми презрительный взгляд. И ведь знает же, что у меня в кармане последние двести долларов, а зарплата только через неделю. Я надеялась, что она внесет всю

сумму, как обычно, а я отдам ей ровно через неделю... черт возьми, это все так унижительно. Я с детства не знала, что такое нуждаться в деньгах. А теперь приходится вертеться, чтобы выжить. *Разве это жизнь?* Шесть дней я работаю, а на седьмой отсыпаюсь, не в силах встать с постели. Ну, ничего, я что-нибудь придумаю. Обязательно.

– Вот ты стерва. Хорошо, я пойду вместо тебя, – выбора у меня действительно нет, поэтому уже завтра я буду сопровождать какого-то мужчину на одном из светских вечеринок, на которой могу встретить своего бывшего жениха. Черт возьми, если Уилл меня увидит... это будет конец всему. Он продолжает заваливать меня звонками и смсками, а если еще и узнает, что я здесь, в Вегасе... он не отстанет. Снова начнет ухаживать, и рано или поздно я сдамся, куплюсь на его заботу и то, что он может мне дать.

Спать с незнакомым мужчиной я действительно не собиралась. Пока нет. Я решила его соблазнить, пойти на хитрость. Наоми права – незаметно для себя я превратилась в невидимку, опасаясь, что Уилл заметит меня. Хотя с какой стати и чего мне бояться? Сколько себя помню, я всегда была окружена мужским вниманием. И сейчас мне его не хватало. К тому же в моей голове созрел маленький, но гениальный план, как я смогу достать больше денег... *когда воруюшь итак краденное, это ведь не воровство?*

* * *

Через неделю мы с девочками сняли соседнюю комнату, теперь вся квартира принадлежала нам. Все благодаря тому предложению, которое я приняла от Наоми. Ричард Скотт полностью соответствовал описанию Наоми. И он совершенно не расстроился, что вместо моей истощенной подружки его сопровождала я. Друзья и партнеры Ричарда постоянно просили его познакомить меня с ними, а мне приходилось нервно озираться по сторонам. *Только бы не встретить здесь Уилла.*

Соблазнить Ричарда и украсть у него фишки на пару тысяч долларов было не трудно. По сути это даже не кража.

Формально, я просто обменяла фишки на деньги в кассе. Ну а что мне еще делать? Я готова вертеться как угодно, чтобы снова жить, как раньше.

Так и началась моя новая подработка. Я продолжала встречаться с мужчинами, получая деньги за их сопровождение. Подворовывала фишки, мастерски залезая во внутренние карманы их пиджаков, соблазняя и обещая им «рай». А потом уходила, оставляя наивных мужиков без страстной ночи... мой телефон разрывался от их звонков, и мне постоянно приходилось менять номера. Ох, уж эти мужчины. На самом деле дело не в моей красоте. Их звонки и внимание – лишь следствие чередования моих горячих улыбок с отстраненностью. Элементарная игра «ближе-дальше» способна творить чудеса с мужским сознанием.

Если бы я спала с ними, я бы вряд ли получала потом цветы и приглашения на новые свидания. Но я всегда уходила, доводя их до точки кипения... это так забавляло. Видели бы вы их лица, когда прощалась с ними в самый горячий момент.

Всегда оставляя зверя голодным, иначе он не побежит за тобой вслед... одно из моих правил.

Совесть из-за вынужденного воровства меня совершенно не мучила. К слову, все деньги, которые принадлежат казино, изначально «грязные». Часть денег я отправляла на благотворительность. Не потому что мне было стыдно за воровство, совсем нет. Я уже многие годы продолжала дело своей сестры, которая ежемесячно жертвовала тысячи долларов: то в фонды вымирающих животных, то в детские дома, приюты и больницы. Для меня это стало традицией, и я не хотела нарушать ее, только потому, что родители лишили меня наследства.

Каждый раз, когда я жертвовала малейшую сумму, я чувствовала связь с сестрой, чувствовала, как продолжаю ее светлую миссию. Делаю, все что в моих руках, чтобы загладить... загладить вину.

Хотя разве можно такое загладить? Хлоя умерла, потому что я взяла ее с собой в тот вечер. И нет этому никаких оправданий, нет никакой двери в прошлое, в которую можно войти и все исправить... есть только картинки и образы, воспоминания, которыми я живу.

Пытаюсь жить. На самом деле я давно – пластик, пустой сосуд, бесцельно блуждающий по свету. Я – лишь жалкое отражение, грязное отражение, темная тень своей сестры, в которой этот мир нуждался куда больше.

Я чувствую легкое жжение в груди и ком в горле. Ни к чему плакать. Сегодня у меня встреча с новым мужчиной. Я придирчиво оглядываю свое отражение в зеркале: черное маленькое платье, обтягивающее фигуру словно перчатка. Крашу губы красной помадой и репетирую свою фирменную хищную улыбку, которая безотказно действует на мужчин. Я могу получить любого... но не хочу никого из них по-настоящему.

Пустая. Бесчувственная. Плохая дочь. Дерьмовый человек. Падкая на деньги, жадная. Холодная.

Ощущаю, как каждое из этих слов сопровождается резким ударом сердца. Но я не чувствую боли, когда понимаю, что я не стала такой, какой меня хотели видеть. Лишь удушающую пустоту в груди, которую отчаянно хочется чем-то заполнить.

Раньше это были деньги, они отлично справлялись с этой задачей. Наркотики. Беспорядочные половые связи.

Но этого давно стало недостаточно.

Я хочу чего-то большего. Я хочу просто понять, почему я осталась жива. *Почему я, а не она? В Хлое нуждался весь мир. Я же нужна была только ей.*

Конечно, встречаться с мужчинами за деньги – сомнительное удовольствие. Моя гордость вот-вот взвоет от подобных махинаций. Но выхода у меня нет. Это ненадолго. Я подкоплю немного денег, обязательно придумаю, что делать дальше... настанет день, и родители сами обратятся ко мне за помощью. Не знаю, что я им отвечу. Я всегда хотела, чтобы они гордились мной. Пыталась им что-то доказать, выкладываясь на тренировках. Все без толку. Они никогда не были мной довольны. Спустя год после смерти сестры отец предложил мне съемки в сериале, в котором снималась Хлоя. Я должна была «доиграть» ее роль. Пропасть между нами стала непреодолимой после того, как я отказалась. Папа словно с ума сошел. Слишком часто стал по ошибке называть меня Хлоей. Даже вспоминать тошно.

Сегодня моя работа займет четыре часа. Главное, не упустить момент, когда Бенджамин Блэк будет уже пьян, и обчистить беднягу.

Такси останавливается около входа в самый шикарный отель в Вегасе, и портье открывает мне дверь, приветствуя, как важную гостью. Я, наконец, чувствую себя на своем месте. Так и должно быть, а мне приходится подавать другим вино с королевскими креветками, черт возьми. Я задерживаюсь у входа в огромное белое здание, чтобы осмотреть центр Вегаса, который при дневном освещении кажется тусклым и серым. Мне не терпится оказаться внутри отеля, где повсюду установлены кондиционеры. Страшная духота. Вегас находится посреди пустыни, поэтому летом здесь постоянно жарко, словно в аду.

В Вегасе каждый отель представляет собой маленький мир: Нью-Йорк, Каир, Париж, Венеция и другие города мира, полностью передающие атмосферу своей страны. Есть даже отель в форме черной пирамиды, на территории которого можно встретить Богов из древних легенд и Сфинкса.

Или отель «Эскалибур», который перенесет любого туриста во времена короля Артура и рыцарей круглого стола. Есть отель с пиратской тематикой, с кораблями и водопадами и даже тропические джунгли. В отеле «Мираж», где я работаю, есть целые каскады каменных ванн,

расположенные на склоне искусственного вулкана, из которого по вечерам извергается настоящее пламя. Шоу бесплатное, и каждый день собирает толпу зрителей, но со своим графиком работы я еще ни разу его не видела. Не больно то и хотелось, конечно...

Отель, в котором сейчас нахожусь я, не нуждается в представлении. Одним словом, «Цезарь». И знаменит он не только тем, что стал съемочной площадкой для многих фильмов о казино, но и невероятной атмосферой, которая пленит тебя, как только ты отказываешься внутри. Здесь даже есть искусственное небо, но я не знаю, как создатели добились такого реалистичного эффекта настоящих плывущих облаков прямо на потолке. Цена за ночь в пентхаусе Цезаря достигает до двадцати тысяч долларов, но это мелочи для многих из тех, кто приезжает сюда поиграть. Внутри отель полностью копирует некоторые улицы Рима вместе с памятниками, скамьями и фонтанами. Даже поражающий воображение фонтан Треви, представляющий собой Океана⁴ верхом на колеснице, сидящего на морской раковине, которую тянут тритоны и гиппокампы.

Вишенкой на торте великолепия этого отеля скоро станет Колизей – сейчас копия этого великого памятника почти достроена и выглядит она настолько реалистично, что я невольно ловлю себя на мысли о том, что я снова в Риме. В последний раз я была там с Уилом. Хороший был отдых: красное полусладкое вино с насыщенным ароматом, вечера на пляже, где мы провожали закаты, и невероятная энергетика, исходящая от улыбчивых итальянцев...

Именно контрастом разных культур и знаменит Вегас – хочешь побывать в нескольких городах за один день – отправляйся сюда и делай фото то на фоне Эйфелевой башни, то на фоне каналов романтической Венеции. Не считая броской роскоши, дизайнерских магазинов и самого большого казино в Вегасе, этот отель знаменит своим клубом «OMNIA». Здесь ежедневно устраивают вечеринки разной тематики, а толпу заводят самые знаменитые диджеи мира.

Засматриваясь на все это великолепие, я совсем забываю, что нахожусь в месте, где легко могу столкнуться лицом к лицу с Уиллом, и направляюсь к колонне, рядом с которой договорилась встретиться с Бенджамином. Мужчина встречает меня оценивающим взглядом с головы до ног и расплылся в широкой улыбке. Он удовлетворен увиденным.

Как и все мужчины, смотрит на меня так, словно я товар. Хотя о чем я говорю? Он итак купил. Купил встречу со мной, купил мои улыбки и мое тело... *но не меня.*

На самом деле я бы могла спать за деньги, но исключительно с женщиной, которого бы сама захотела. Не вижу ничего плохого в том, чтобы получить двойное удовольствие – физическую разрядку и пару тысяч на новую сумочку.

Хотя... учитывая мое нынешнее положение, эти деньги пойдут в мои сбережения, но никак не на новую шмотку.

– Ты опоздала, – его бас совершенно не сочетается с его фейковой улыбкой.

– Это ты, – я сделала небольшую паузу, облизнув губы кончиком языка. Глаза Бена мгновенно загорелись, и я уверена, что кое-что пониже – тоже. – Пришел раньше.

Уверена, что в мыслях Бен уже поймел меня во всех позах. Но мне хватило секунды, чтобы понять, что ему ничего со мной не светит. Даже за деньги.

Уложенные гелем волосы. Дорогой, но безвкусный пиджак, обтягивающий его огромные, чересчур надутые мышцы. Конечно, он неплох, но его образ не вызывает во мне ничего, кроме желания скорее закончить этот вечер, получить копейки, которые в очередной раз помогут мне не оказаться на улице среди больных бомжей.

А поверьте, в Вегасе их не меньше, чем в Лос-Анджелесе. Я люблю свою страну, но наличие «свободолюбивых» личностей, психически неуравновешенных людей и просто вонючих и немых бродяг просто зашкаливает.

⁴ Божество древнегреческой мифологии.

– Ты очаровательна, – банальный комплимент от Бена вызывает во мне желание зевнуть и возвести глаза к небу. Но маска идеальной куколки на вечер не сойдет с моего лица, пока я не отработаю положенные договором часы.

Мне даже жаль, что Бенджамин не вызвал ни капли интереса. Даже соблазнять его не хочется, а значит, будет трудно украсть фишки.

Наверное, я до сих пор ее жду. Пресловутую искорку, о которой рассказывают восторженным полусшепотом, воспевают в песнях. В глубине души я все еще надеюсь, что есть человек, который не только будет любить меня и заботиться обо мне, как Уилл.

Говорят, ... для женщины главное, чтобы она была любима, но по мне так это ужасно скучно.

На собственном опыте я убедилась, что любовь сотен поклонников и ухажеров ничего не стоит... *ничего*. Когда внутри у тебя у самой ничего нет. Ни капли любви, верности, ни капли ласки для них всех. Только благодарность за внимание и корона на голове, которую они поддерживают.

Но я мечтаю о страсти. О любви, которая дурманил разум и дарит крылья, а не о дружбе и привязанности, которая приходит со временем. Я все еще надеюсь, что в одном человеке я смогу найти все: и страсть, от которой кипит кровь и оголяются нервы, и дружбу. Заботу, защиту, каменную стену, за которой можно спрятаться и создать внутри нерушимых баррикад – ваш маленький мир для двоих.

Бенджамин держит меня под руку и что-то увлеченно рассказывает, пока я дежурно киваю и улыбаюсь ему, не разбирая его слов. Расправляю плечи и замечаю, как некоторые «воротнички» сворачивают голову в нашу сторону. Обычное дело. Бенджамин и сам расцветает рядом со мной – улыбка почти не сползает с его лица, и я уже чувствую, как он не хочет, чтобы это был наш последний вечер вместе.

Мы идем по ярко-освещенному коридору, пока не сворачиваем в более темный и тесный холл с красноватой подсветкой.

– Куда мы идем? Казино в другой стороне... – от плохого предчувствия у меня слегка скручивает желудок. Интуиция никогда меня не подводит, я буквально ощущаю, как все внутри меня протестует против этого коридора и против черной двери, которую я вижу перед собой.

Надпись «Опиум» смущает меня еще больше, как и два мускулистых здоровяка стоящих у двери с вывеской неоновом-красного цвета. Они осматривают мою сумочку, изучая меня таким взглядом, словно я в аэропорту на паспортном контроле пересекаю границу. Мы с Беном проходим через рамку с металлодетекторами, и, замечая мое напряжение, он поглаживает мое предплечье кончиками шершавых пальцев:

– Не волнуйся, Джелена. Это закрытый клуб для своих. Никто не любит правила, которые устанавливает легальное казино. Они скучные.

Я делаю выдох, растворяя в груди приятное чувство страха. Он проникает в мои вены, наполняет изнутри, пока я разглядываю большой темный зал, слабо освещенный люстрой, представляющей собой тысячи хрустальных капель под потолком. Они подрагивают от музыки и смеха десятков игроков, которые сидят за своими столами. Я быстро привыкаю к подобному освещению, ловя красноватые блики света на колоннах и столах, отделанных лепниной. Окидываю взглядом игорную зону: азарт на любой вкус. От бильярда до покера и рулетки.

Что-то мне подсказывает, что развлечения, которые я вижу – лишь белая верхушка айсберга, скрывающая истинную суть и темную сторону этого клуба.

В таких местах не всегда чувствуешь себя уютно. Не всем под силу выдержать энергетическое напряжение, парящее в воздухе. Игра на большие деньги – это всегда стресс даже для самого опытного и уверенного в себе игрока.

Я хорошо знаю мужчин, которые посещают такие места. Для них нет ничего важнее денег и духа соперничества – каждый из них мечтает перегнать другого, попасть в списки Форбс, стать богаче своего соперника по игре или даже друга. Иметь все, что дает им мир. В том числе и самых красивых девушек, и не только девушек... я слышала от Наоми о всяких извращениях. Хотят самый дорогой и чистый «кайф». Жить в мире, где нет никаких запретов и моральных ценностей. Я уверена, что каждый «кошелек», присутствующий здесь, перенасыщен всеми благами этой вселенной. Это одновременно и дар, и проклятье. Эти люди находятся в вечном поиске чего-то нового, что зажжет их, вызовет одержимость. Вызовет желание жить.

Я знаю, потому что я такая же. В меньшей степени, и все же... мне никогда и ни в чем не было отказа. А теперь моя жизнь – это сплошные рамки. Моя жизнь – это крохотная кровать, подруга – наркоманка, соседка – нелегалка из России, и бесконечная раздача блюд и напитков.

Первые полчаса я следую за Бенджамином, куда бы он ни пошел. *«Идеальная куклолка»*, – напоминаю себе. Вежливо улыбаюсь всем и поддерживаю любой разговор. Дежурные фразы вылетают на автомате, я словно маятник, который отвлекает внимание и настраивает партнеров Бена и собеседников на нужный лад. В этом и есть главная задача эскортниц – немножко загипнотизировать собеседников своего заказчика, расслабить их разум, сбить фокус внимания.

– Все очарованы тобой. Думаю, это не последний наш вечер вместе, – мягко шепчет Бенджамин. Этих слов и следовало ожидать. – Тебе нравится?

Я поджимаю губы, ведя плечом, всем своим видом показывая, что мне довольно скучно.

– Я бы хотела чего-нибудь повеселее.

– Я оставлю тебя с девочками своих друзей, – он ведет меня в сторону ярко-накрашенных молодых девиц, таких же эскортниц, но я замираю на месте, не позволяя ему управлять мной. – Я заберу тебя позже, Джелена.

Не нуждайся я так сильно в деньгах, я бы ушла прямо сейчас. Но оплата придет мне на счет, только если я проведу с Бенджамином четыре часа без всяких «сюрпризов» и буду покладистой и послушной куклой. В договоре есть не очень приятный для меня пункт, который означает буквально то, что я на четыре часа принадлежу своему «заказчику». Приятного мало и довольно опасно. Любой из них мог бы меня изнасиловать или сделать Бог знает что. Но у меня на этот случай есть электрошокер, который защитит меня почти от любого нападения. Наоми подарила.

– Я не хочу стоять одна с девочками. Я хочу что-нибудь поинтереснее, – упрямо заявляю я, и по реакции Бена понимаю, что ни одна «девочка по вызову» еще не вела себя так, как я. *Честно...*? Мне хочется, чтобы он поставил меня на место. Чтобы это сделал хоть кто-нибудь. Но Бенджамин явно хочет произвести на меня впечатление и мягко кивает:

– Хорошо, ты можешь посмотреть, как я играю. Все для тебя, прекрасная Джелена.

– Я не люблю, когда меня называют Джелена, – нежно щебечу я, поправляя его галстук. Кидаю на него зазывные взгляды исподлобья, ощущая, как это глупец давно клюнул на меня. – Я тоже хочу поиграть.

– Дорогая, это покер.

– Ну, ты же одолжишь мне немного фишек? – закусываю губы, приближаюсь к нему, ловя его в плен своих чар. – Пожалуйста. Мне так скучно, Бен. Позволь мне поиграть.

– Хорошо, – сдается мужчина, и, наверное, сам не понимает, как подписался на это. Но сейчас он думает не тем мозгом, что в голове, и я хорошо это почувствовала, когда на секунду прижалась к нему бедрами... черт. *Это было не очень приятно.*

Мы направляемся к одному из столов. Пространство затянуто сигаретным дымом, от которого режет глаза. Прислушиваюсь к шелесту раздаваемых карт и треску крутящейся рулетки. Один из игроков в Блэк-Джек слишком очевидно сцепляет руки за спиной, подавая

своему партнеру из зала «тайный» знак. Поджав губы, замечаю за одним из столов двух мужчин, которые еще не приступили к игре.

Бенджамин протягивает мне бархатный мешочек с фишками. *Даже красть не пришлось.*

Я подхожу к столу, чувствуя легкое волнение и трепет в груди. Я давно не играла в покер, но научилась еще в детстве. Ничего сложного, потому что мы играли на желание, сладости и всякие мелочи. За этими же столами играют на деньги.... Бывает, на *огромные* деньги. В Вегасе почти во всех отелях отсутствуют балконы, процент самоубийств здесь очень велик. Отчаянные бизнесмены просто не выдерживают банкротства, но когда дело касается азартных игр, многие из них не знают меры и делают ставки ценою в жизнь...

Здесь все одержимы азартом, адреналином. Клуб любителей пощекотать себе нервы. Эмоции на грани, безумный страх потерять самое дорогое, что у тебя есть, и отыграть в последний момент... настоящий кайф, их опиум.

Может, отсюда и название клуба, хотя судя по мрачной обстановке, тут «угощают» любым видом наркотика.

– Добрый вечер, – крупье кивает мне, когда я присаживаюсь за стол. Приподнимаю бровь и тут же перевожу взгляд на мужчину, быстро оценивая размер его кошелька по одежде. Понятия не имею, кто он. Хищно улыбаюсь ему, провоцируя голодный взгляд незнакомца. Я не запоминаю черты его лица, обращаю внимание лишь на фирму костюма, золотые часы и запонки с небольшими бриллиантами. Сойдет.

За игровым столом трое мужчин и я. Не думала, что окажусь в подобной ситуации, но хотя бы не скучно. Воздух пропитан ароматом виски и сигар, напоминающий мне запах орехов вперемешку с травянистыми оттенками. Никто здесь не воспринимает меня всерьез. Может, мне удастся украсть побольше фишек... или даже выиграть немного денег.

– Малый блайнд, двадцать пять тысяч, – комментирует крупье, когда один из игроков сдвигает фишки в банк.

Кровь мгновенно приливает к моим щекам. *Двадцать пять тысяч?* У меня нет таких денег... присматриваюсь к своим фишкам и понимаю, что не сразу разглядела, какого они достоинства. Черт. Я могла просто схватить мешок и сбежать отсюда. Теперь придется рисковать таким «уловом».

– Большой блайнд, пятьдесят тысяч – ставка от мистера Кука.

Бенджамин как раз разговаривает с игроком в черной рубашке, который только что поставил полсотни тысяч.

Дилер раздает карты. Десятка, валет и дама лежат в центре стола. Когда я смотрю на свои карты, едва сдерживаю разочарованный вздох. *Сегодня не мой день.*

– Уравниваю, – стараюсь выглядеть уверенно, сдвигаю фишки в банк. Азарт буквально течет по моим венам, я чувствую себя так, словно стою на тонкой нити над пропастью и поднимаю ногу над головой. Прямо как во времена, когда я занималась этим каждый день. *Адреналиновая наркоманка.* Может, поэтому я так любила акробатику – за риск, за ощущение полета, за то, что могла бесконечно бегать по краю пропасти и ловить от этого кайф.

Первый круг торгов заканчивается, и крупье выкладывает еще одну карту на стол, которая никак не меняет мою ситуацию. Мой азарт быстро сходит на нет, потому что я чувствую, что настоящая борьба будет идти между обладателями «сильной руки» – Бенджамином и мужчиной в черной рубашке. Судя по опущенным вниз уголкам губ незнакомца с бриллиантовыми запонками ему сегодня тоже не повезло с картами, а скрывать свои эмоции он не умеет.

– Сколько стоит твоя новая куколка, Бен? – слышу пренебрежительный тон со стороны и медленно поднимаю взгляд, разглядывая обладателя приятного тембра. Убаюкивающего, гипнотизирующего.

Я жду, что Бенджамин побудет мужчиной хоть пять секунд и что-то возразит этому наглецу. Но когда я смотрю на своего спутника, замечаю, что на лбу Блэка блестят капли пота. *Бен избегает взгляда этого мужчины.*

– У вас таких денег нет, – полным яда голоса отрезаю я. Стандартная, банальная фраза, и я не понимаю, куда делось все мое остроумие и умение заткнуть обидчика, когда встречаюсь взглядом с мистером Наглость.

О черт.

Знакомое чувство страха проникает в меня медленно, мучительно. Проходит несколько долгих секунд, прежде чем я собираю разбитые кусочки воспоминаний в единую картинку и пытаюсь справиться с рваными ударами сердца. Необъяснимый ужас охватывает меня, кончики пальцев рук немеют, как и мое лицо. Я больше не могу держать маску идеальной куклы.

Тысяча рвущих душу выстрелов проносятся в моей голове, и в синих глазах этого мужчины я вижу капли крови своей сестры и других людей. Смотрю в эту бездну... и словно снова бегу по бордовым лужам, слыша за спиной ругань и предсмертные крики десятков людей.

Голова начинает гудеть, звон в ушах нарастает. Я помню, как на меня направили дуло пистолета. И я до сих пор не понимаю, как я спаслась. Почему не Хлоя?

Конечно, я узнала Тайлера. На его теле появилось еще больше татуировок за эти годы. Шрам на шее затянулся, но тайные символы до сих пор не скрывали его. Расстегнутая на пару верхних пуговиц рубашка открывает моему взору его ключицы и еще больше привлекает внимание к этому выразительному недостатку, который он совершенно не прячет.

Неприглядный рубец на коже выглядит скорее как метка. Клеймо.

Его привлекательность, как и тогда, кажется мне другой. Жестоккой, отстранённой, внушающей легкий ужас. Двухдневная щетина не скрывает точеных скул, а холодные синие глаза вопреки своему цвету буквально источают энергетическое пламя.

– Так значит, ты признаешь, что купить тебя можно, – Тайлер слегка приподнимает бровь, не отводя от меня прямого, пронизывающего до костей холодом взгляда. Сдвигает пару фишек в банк, когда крупье просит нас сделать новые ставки.

Тайлер не улыбается. Безупречная маска, идеальное лицо профессионального игрока в покер. Надменный, расчетливый. Я жалею, что не одела платье с длинными рукавами, когда он опускает взгляд на мои предплечья – уголки его губ лишь на мгновение дергаются, словно он удовлетворен увиденным. *Словно он ощущает мой страх, чувствует его запах.*

Черт возьми. Почему это происходит? Я же умею держать себя в руках. Ни одному мужчине не удавалось вызвать во мне столько эмоций одним лишь проклятым взглядом, который буквально сканирует душу.

Но дело не только в этом. В том, что я чувствую... черт, чувствую, что это какой-то знак. Что вселенная послала мне зацепку, благодаря которой я найду убийцу сестры.

Тайлер был там.

Он мог видеть. Он же не случайно оказался в том месте.

Мог ли он знать, кто скрывался под маской дракона? Я до сих пор вижу ее в кошмарах.

Я отдала столько родительских денег, нанимала частных агентов, следователей, но ни один из них не нашел ответ на вопрос, кто убил мою сестру. Лишь сухие факты, догадки и домыслы. Все агенты посоветовали не лезть мне в это дело, предупредив, что могу отправиться вслед за сестрой. Одного из них убили сразу, как раз после того, как я закончила с ним сотрудничать.

Тысяча вопросов вертелась у меня на языке, я хотела поговорить с Тайлером и одновременно послать его к черту. Мне нельзя связываться с этим мужчиной, нельзя, я нутром это чувствую. Как и ощущаю мощную энергетику интереса и желания, исходящих от него в мою сторону.

Как и тогда, «под мостом» я сразу ее уловила, почувствовала. Наше пари, спор, поцелуй у машины. Я не запоминаю лица парней, с которыми я сплю, но его лицо навсегда отпечталось в памяти.

Глава 4

Внешний ее облик стоял у него перед глазами, внутренний же, во всей пленительности запечатлелся у него в душе.

Он жил под обаянием этого образа...

Эта некая странная одержимость – смутная, сокровенная, волнующая, восхитительная в своей таинственности.

Ги Де Мопассан. Милый друг

Тайлер

Все пошло не по плану. Я не ожидал, что Джелена просто возьмет и появится в «Опиуме» причем именно тогда, когда я должен выполнить очередное задание. Мать вашу, что за идиотское совпадение. Я ненавидел, когда все шло не так, как я запланировал, просчитал. Девушка должна была получить приглашение на маскарад в «Мираже», где бы и состоялось наше знакомство. Я бы очаровал ее за пару часов, напустил бы пыли в глаза. Я умею быть галантным, когда требуется. Могу нацепить на себя любую маску и образ ради своей цели. Ну а потом все стандартно, по избитому сценарию: горячая ночь и вычеркивание из списка. Пришел, увидел, победил и забыл. Теперь же я вижу девушку, которую я себе мысленно присвоил, с этим убогим извращенцем, и это мне очень не нравится. Мне, на хрен, сейчас не до галантности будет. *Посягнули на мою цель, территорию, и мне плевать каким образом так вышло.*

Судьба, как всегда, раздала свои карты.

Именно в тот день, именно в тот час, именно в ту минуту, когда я должен выполнить очередное задание своего Босса, она появилась за этим гребанным столом. Кто ее пригласил? Неужели этот недоумок Бен додумался до такого? Но это уже неважно. Бенджамин обречен. И пусть сейчас он еще дышит, для меня он уже труп. Игра бы все равно не имела никакого смысла. Присутствие Джелены ничего не меняет, кроме того, что от нее трудно отвести взгляд и сосредоточиться на игре.

– Что вы, мистер Кук. Моя крошка бесценна, – Бенджамин делает ставку на вторых торгах, в то время как два других игрока пасуют, уже ничем не рискуя. Я обычно слежу за мельчайшими деталями игры, но сейчас мы, похоже, все дезориентированы. О каких картах может идти речь, когда вместо какого-нибудь жирного ублюдка с двойным подбородком я вижу перед собой Жи-джи. Горячая лисичка.

Судя по хищному взгляду скорее пантера.

Думал, что на том фото в журнале много фотошопа, и цвет и блеск в ее глазах фальшивый, искусственный. Но нет. Взгляд Жи-джи – чистый соблазн. Грех, который хочется вкушать немедленно, впиваясь зубами в запретное «яблочко», и выжать из него все соки. Она вся – эквивалент искушения, перед которым невозможно устоять. Девушка, которая понимает, чего она хочет, и знает, как себя подать. Безупречная осанка, томные взгляды из-под полуопущенных длинных ресниц. Плавные движения рук, и едва уловимое скольжение ее языка по губам. Любой мужчина теряет разум, когда видит такую девушку, и думает только о том, как этот острый язычок вылизывает его член дочиста.

Я чувствую болезненное возбуждение в паху, несмотря на то, что до прихода в клуб трахнул двух шлюх.

Я спал со многими женщинами, но мои эмоции к Жи-джи куда глубже. Потому что...

Нет. Нельзя вспоминать.

Кто бы мог подумать, что та маленькая девочка, которую я знал, станет такой. Снова смотрю на алые губки и на то, как она изредка проводит маленьким и острым язычком по своим зубам.

Я почти не могу думать о задании, начинаю забывать, что должен делать идеальный робот, когда его Босс просит об этом.

Даже кровавое лицо Уилла Брауна, умоляющего меня о смерти, немного меркнет.

Бенджамин Блэк перешел нашему лидеру дорогу пару недель назад. Открыл новый бизнес, который может составить конкуренцию Кано. У него уже есть сеть закрытых клубов в Техасе. Тот еще извращенец, который сейчас прикидывается «чистым» бизнесменом.

В целом ситуация стандартная. Есть конкурент, который рано или поздно уберет нас, если мы не уберем его. Команда «удалить» из уст Кано звучала недвусмысленно. Осталось только заманить его в «Опиум», но я понятия не имел, что он притащит с собой девушку и тем более... Дженну. Хотя стоило учесть это. Джелена отличный «отвлекающий маневр» от игры на большие деньги.

Переключаю свое внимание на Джэл, когда она тихо вздыхает, следя за игрой.

Мой взгляд скользит по ее нежной фарфоровой коже, замирает на ложбинке между красивых упругих грудок. Она без лифчика. Второй размер. Ничего особенного, но ее грудь такой идеальной округлой формы, словно она создана для мужской ладони. Моей ладони.

– Ваша ставка, мистер Кук, – слышу голос крупье, отводя взгляд от Джелены, перешёптывающейся с ублюдком Беном. Беги, девочка. Пока он не продал тебя, нахрен. Большой извращенец. Страшно представить, что он задумал сотворить с этой цыпочкой ночью. К несчастью, его ожидает быстрая смерть от рук Dragons.

– Кажется, вам сегодня не везет, мистер Кук. Я никому не отдам свой талисман удачи, – чеканит Бен, повышая ставку. Мне плевать на деньги, у меня зубы сводит от мысли о том, что он всерьез рассчитывал поймать эту детку. Мою цель. М-о-ю.

– Что ж, в этом я сомневаюсь.

– Прости, что? – Джелена хмурится, сбрасывая карты. *Неужели ты не любишь риск, сладкая?*

– Предлагаю повысить ставки. Играть на деньги скучно, не правда ли, Блэк? – Бенджамин напрягается, но мой взгляд прикован к Джелене. К черту все. Я получу ее намного раньше, чем планировал. Использую ее тело и выкину, избавившись от наваждения. Какой бы соблазнительной ни была моя жертва, я всегда остывал, когда получал ее.

– Меня интересуют только деньги и недвижимость.

– У нас последний круг ставок. Потом открываем карты, – я вспоминаю свои карты. Туз черви, король пики. Это нате – самая сильная рука при данном раскладе карт, но Блэк об этом не знает. Возможно, думает, что я блефую. На самом деле мне редко так везет с картами. Почти никогда. Все мои победы это результат блестящего блефа – обычно я просто вынуждаю других игроков сбросить карты.

– Мне плевать, сколько денег ты поставишь. Я хочу ее, – закуривая, выпускаю дым. Ловлю на себе обескураженный взгляд Джелены, наслаждаясь проявлением ее страха. Но лишь на мгновение. Через секунду Жи-джи снова натягивает на себя маску куклы, невинно моргая.

– Я не товар, который можно использовать в качестве фишек. Если ты думаешь, что меня впечатлит это оскорбление, то ты ошибаешься.

– Какие оскорбления, Жи-джи, – выдыхаю я, позволяя себе расплыться в чувственной улыбке. Девушка реагирует мгновенно, я слежу за ее дыханием. Сводит под столом свои стройные ножки. Я это чувствую. Я оценил и их, когда она не шла, а буквально «плыла» к столу, покачивая бедрами. – Разве я сделал тебе непристойное предложение? Посмотрим правде в глаза. Ты большая девочка. Ты здесь в качестве эскортницы, то есть сопровождаешь мистера Блэка за деньги. Если я выиграю, ты проведешь остаток вечера со мной. По-моему, все очень просто.

– Нет, – сухо отрезала девушка, отбросив от лица волосы. Я сжал челюсти так, что они заболели от напряжения.

А это еще интереснее, чем я думал. Неужели она не из тех, кто дает сразу или спит с «папочками» за деньги? Я не знаю. Но очевидно, что она в отчаянном положении. За время, пока мы сидим за столом, я видел, как она пару раз незаметно для всех своровала фишки у Бена. Конечно, крупье смотрел на карты, Бен в ее декольте, Джелена в его глаза, а я на нее. Глупышка. Как бы ее не схватили вышибалы «Опиума», которые наверняка просматривают записи с видеокамер.

– Закроем эту тему. Я не продаюсь. И ты бы все равно проиграл, – надменно хмыкает она, возвращая меня в тот день, когда я от нее уже слышал нечто подобное.

– Господа, делаем ставки.

– *Я выиграю. Не деньги. Тебя*, – вырывается из моих губ знакомая фраза. Девушка заливается румянцем, но тут же возвращает своему лицу снисходительное выражение. Мне нравится ее игра в королеву... *трахать королеву, а не шлюху. Это определенно то, чего я хочу.*

Мне надоели эти пустышки, которые сами падают на колени и сразу берут в рот, считая, что это именно то, что сейчас нужно всем. Абсолютная покорность, послушание. Не спорю, мысль о «личной игрушке» возбуждает, но не так сильно, как о девочке с характером, которая может в любой момент тебя удивить.

– Я бы отказалась общаться с тобой, даже если бы наступил апокалипсис, и ты был бы последним выжившим на земле, – кокетливо набивает себе цену девушка, и я еле сдерживаю внутри себя смех.

Я давно не смеялся по-настоящему. В последний раз – с Кларой и Эйданом.

– Звучит, как вызов. Ну, хорошо, малышка, не хочу тебя разочаровывать, но Бенджамин сделает любую ставку, которую я у него попрошу.

– Что? Ты ничего не путаешь, Кук? – неужели Бен еще не понял, что он не жилец. Он слишком невнимателен. На мне рубашка с эмблемой Dragons, а он до сих пор не попытался убежать.

– Может, хватит...

Я пишу на листке свою ставку. Он хотел недвижимость, пожалуйста. Блэк бледнеет на глазах, когда читает бумажку, которую протягивает ему крупье.

Бенджамин нервно рассмеялся, но я лишь поджал губы в ответ. Это последний смех в его жизни.

– Это мое последнее слово. Отказываешься – пожалуйста. Обойдусь без твоей куколочки, – уверенно проговариваю я, понимая, что Бен уже на крючке. Конечно, я блефую, даже в случае «слабой руки» я бы ничего ему не отдал. Несколько месяцев Бен употребляет героин. У него есть жена, дети, любовницы. Они не догадываются о том, кто он на самом деле. Еще пара лет и он бы сделал из своей дочери проститутку, как Браун из моей милой Блэр.

– Бенджамин, я на такое не подписывалась.

– Молчи, детка. Я не нарушаю условий договора. Ты – моя ставка сверху того, что уже есть. Осталась всего пара часов, – Бен принял мое предложение. Джи-джи моментально вскочила со стула, порываясь уйти. Пара секьюрити, которым я предварительно подал знак, надавила на хрупкие плечи девушки. Она растерянно посмотрела на меня, как на источник своей защиты. Почему ты так решила, крошка? Я не твоя защита. Я тот, от кого тебе стоит бежать. Но куда бы ты ни побежала, у тебя нет выхода.

Ты мне еще понадобишься.

– Что происходит... – ее голос дрожит, несмотря на то, что в сложившейся ситуации она ведет себя очень достойно. Никаких истерик и криков о помощи. Слез. Меня завораживает такое самообладание.

– Это всего лишь вечер. Никто не собирается забирать тебя в рабство. Пока, – мягко заверяю ее я, хотя тон моего голоса обещает ей обратный исход.

– Еще чего. Я лучше умру, чем стану твоей рабыней, – с вызовом отвечает Джелена. Мой член мгновенно напрягается от ее слов, ассоциативные картинки мелькают в голове со скоростью света. *Рабыня*. Когда дойдет до дела, я примерю ей и эту роль. Я тоже люблю подобные игры. Не как эти извращены из закрытого клуба, но я люблю укрощать строптивых малышей и брать их во все местечки. Давно я не встречал ту, что смела бы сопротивляться. Но судя по всему, Джелена МакАлистер не разочарует меня.

– Нет варианта «лучше» или «хуже». Ты станешь моей, – смотрю ей в глаза, замечая, как тяжело ей выдержать мой взгляд. Венка на шее пульсирует, капелька пота стекает по соблазнительной ложбинке. Завелась, девочка.

– Да пошли вы оба! – она резко вскакивает, но Дженну снова сажают на место. Я показываю своим «шестеркам» знак, чтобы были помягче с девушкой. Мне не нужны синяки на ее нежной коже. Только от моих рук. – Я обращаюсь в полицию...!

– Попробуй. Это Вегас. Здесь всех можно купить, – парирую я, наблюдая за милым сопротивлением своей жертвы.

– Господа, вскрываем карты.

– Что, готов проиграть все, что у тебя есть? – Бен ухмыляется, выкладывая карты. Его руки дрожат.

– У мистера Блэка – Стрит, – объявляет крупье. Переворачиваю карты, замечая всполохи ужаса в горящих глазах Джи-джи. Теперь ты моя, лисичка.

– У мистера Кука тоже Стрит. Банк забирает обладатель старшей карты. Мои поздравления, мистер Кук.

– Да пошел ты к черту, – вздергивает подборок маленькая стерва, когда понимает, что «попалась». – Это незаконно и вообще... мне плевать на то, что ты себе там вообразил, но я не собираюсь проводить с тобой вечер. Ты меня не заставишь.

О да. Заставлю. Может, не сегодня. Но ты проведешь со мной вечер, Джелена. И не одну ночь.

– До скорой встречи, Дженна, – мой тон звучит, как мягкая угроза. Она окидывает меня взглядом, превращающим мою кровь в кипяток. Черт. Давно такого не ощущал. *Хочу. Хочу, и точка*. Усмирить ее пыл, увидеть преклонение, поставить на место. Даже мысли о Брауне на мгновение отходят на второй план.

– Бен, я в дамскую комнату. Приду через пять минут, – вежливо улыбается она и мои люди отпускают ее.

Девушка вдруг подходит ко мне вплотную и наклоняется так сильно, что мой взгляд автоматически падает на ее вздымающуюся грудь. Хм, отличный отвлекающий маневр.

– Меня зовут не Дженна, – бросает она, проделывая свою маленькую махинацию. Она думает, я не заметил. Но от моего взгляда трудно что-либо скрыть.

Джелена разворачивается и удаляется в противоположную сторону, покачивая бедрами. Фигура у нее не совсем «песочные часы» – бедра куда шире хрупких плеч и аппетитная, округлая попа. Даже через платье я вижу, насколько она подкачена. Гладкая кожа, соблазнительные ножки... а я хотел отказаться, забить. Да ну на хрен, я больше ждать не намерен.

Крупье отходит в сторону – он в курсе того, что мы здесь должны сделать. В Вегасе можно купить любого человека, сюда все приезжают за гребанными зелеными бумажками.

– Итак, полагаю, я в ловушке.

– Разумеется, – я киваю, обмениваясь выразительными взглядами с членами «Dragons» более низшего ранга.

– Нет... Тайлер. Нет... у меня дети. Девочка... и мальчик, – он сглатывает, я вижу, как расширяются его зрачки, когда он понимает, каков будет для него исход сегодняшнего вечера.

– Это не твои родные дети. Приемные. Не прикидывайся святым, Бенджамин. Мы оба знаем, какая судьба их ждет рядом с тобой.

– О них некому будет позаботиться...

– Лучше без крыши над головой, чем с больным ублюдком. Я ненавижу вас, сраных педофилов. Один такой уже уничтожил мою сестру. И я рад, что иногда приказы моего босса совпадают с моими собственными желаниями, – я встал из-за стола, оборачиваясь на темный зал. Здесь никто и не заметит, как его скрутят пополам и уберут. Бенджамину Блэку пора туда, откуда он вылез – в преисподнюю.

– Избавьтесь от него. И уберите за собой, – отдаю четкий приказ и ухожу, не оборачиваясь. Не слышу криков, потому что знаю, что рот ему заткнули. Слышу лишь хруст шеи, никак не реагируя на этот звук.

Раньше я чувствовал боль. Чувствовал себя мерзким чудовищем, который сам должен исчезнуть с лица земли. Так будет лучше. Теперь я не чувствую ничего. Мое сердце превратилось в пустую, бесчувственную черную глыбу льда, когда я взял на руки мертвого Эйдана.

Ад после смерти меня не пугает, я уже говорил об этом. Я уже здесь. В котле с чертями и демонами, из которого не выбраться на поверхность.

Глава 5

– Ты же хочешь меня!

– Да, Божье Иисусе! Я хочу тебя. И мне плохо без тебя. Ты как наркотик для меня. Я видел людей, которые не могли достать опиум и мучились. Это почти то же самое. Я знаю, что случается с наркоманом. Он становится рабом, затем гибнет. Это почти случилось со мной. Но я избежал. И не хочу рисковать опять. Я не хочу погибнуть из-за тебя.
Александра Рипли. Скарлетт

Джселена

Очень странный туалет. Женского нет, только дверь с большой буквой «М». Захожу внутрь комнаты и впадаю в некое подобие транса. Готический дизайн и минимальное освещение туалетной комнаты только усиливают ощущение страха и плохого предчувствия. По моим позвонкам бегут разряды тока, собираясь в зоне затылка. Здесь нет света, и ощущение того, что из тьмы вот-вот выскочит маньяк с лезвием или пушкой не покидает меня.

Всякое может быть, когда дело касается Вегаса и подобных закрытых клубов. Наоми мне и не такое рассказывала. Если бы знала, куда приведет меня Бен, ни за что бы ни подписалась на нашу встречу.

А еще... Тайлер. Я не знаю, как расценивать его поведение за игровым столом. Что это? Интерес? Банальное желание трахнуть?

Такое сильное влечение, непреодолимое. Я почувствовала его сразу, в тот день, когда потеряла Хлою. Я не понимаю, откуда и как оно возникло, но я справлюсь с этим. Я хотела поговорить с ним о том дне... но теперь не думаю, что это хорошая идея.

Единственным правильным решением в сложившейся ситуации будет скорее валить из этого места. Я не хочу лезть в дела таких людей, не хочу быть связана с их грязным миром. Конечно, я не знаю, кто они, чем они занимаются, да и не хочу знать. Но в моей памяти слишком ярко отложилась история Наоми...

Она давно в эскорте. Первым ее заказчиком стал очень опасный человек, который сломал ее еще в восемнадцать лет. Пичкал наркотиками, держал взаперти, ежедневно насиловал девушку. Псих с извращенными желаниями. И не просто извращенными, а за гранью. Он заставлял ее целовать пол по которому он ходит. Ломал ее личность и уничтожал месяц за месяцем, пока ей не удалось выбраться из плена. И это ей еще очень сильно повезло. Сейчас безумец сидит в тюрьме. Ему дали пожизненное. Но для Наоми это уже не имеет никакого значения. Он сделал из нее наркоманку, шлюху и девушку, лишенную самоуважения.

Наверное, это самое страшное для меня – потерять свою гордость, свою ценность. Свою личность. И я бы уж точно не хотела оказаться в плену у одного из этих психов. Благодаря истории Наоми я понимаю, что мне лучше не связываться с Тайлером.

Возможно, он хороший человек. Но факты говорят обратное: от этого клуба и его фразы «я выиграю тебя» веет чем-то опасным, запретным. Поэтому я накоплю денег и продолжу поиски убийцы своей сестры и без разговора с ним. *В конце концов, с чего я решила, что он скажет мне правду, и что он вообще что-то знает о тех людях в масках?*

Ну, на хрен. Я собираюсь держаться подальше от него и этого места.

Направляюсь к одной из трех кабинок, рассматривая электрические свечи, стоящие по всему периметру комнаты. Здесь так темно, что я двигаюсь почти вслепую, наощупь. Захожу в среднюю кабинку, слушая звуки Enigma, наполняющие туалетную комнату. Прислушиваясь к специфическому треку, чувствую, как живот сводит от волнения и страха, навевая столь подавляющей атмосферой.

Тихий женский стон заставляет меня вздрогнуть. Возвожу взгляд к потолку. Черт, не трудно догадаться, чем эти двое занимаются в соседней кабинке.

Я не хочу это слышать, но судя по звукам кому-то сейчас делают «нежный» минет. Заканчивая все дела в кабинке, я выхожу к зеркалам, стараясь абстрагироваться от звуков чужой страсти.

Но черт... она так сладко стонет. Вот везет же кому-то. Так естественно. Я постоянно имитирую, поэтому могу отличить фальшь от настоящего, неподдельного удовольствия. *Мне кажется ей очень, очень хорошо.*

Есть несколько фактов о моей интимной жизни. Невзирая на то, что у меня было довольно много партнеров, все всегда происходило по одному сценарию. Так как чаще всего я занималась одноразовым сексом, мои мужчины частенько пребывали в неадекватном состоянии. Я сама брала их сверху, пока не чувствовала общую разрядку. И уходила почти сразу, достигая необходимого для тела рефлекса.

Я пробовала множество вариаций позы «девушка сверху» и на этом весь мой богатый опыт заканчивался. Уилл тоже любил эту позу. Пару раз мы пробовали, лежа на боку или когда он сверху. Иногда даже я ублажала его ртом, исключительно, когда он просто лежал на кровати. Уилл гораздо больше любил сам ласкать меня ртом, но почему-то и это меня не возбуждало.

Меня ни сколько не заводили его механические движения языком. Я хотела чего-то другого, но не стала бы просить его об этом. Секс вообще стоял на заднем плане в наших отношениях. Может, потому что мы знали друг друга с детства, и отчасти я воспринимала его, как любимого брата, родного и близкого человека, а не как горячего любовника, которого мне еще предстоит изучить.

– Аахххххххх, да! Еще... еще! – услышала новую порцию стонов как раз в тот миг, когда обрисовывала губы красной помадой. Поправила волосы, чувствуя, как кровь приливает к моей груди. В темном зеркале, где едва видно мое отражение, заметила, как соски обрисовываются под тонкой тканью платья.

– Вам помощь там не нужна? – тихо прошептала я, сгорая от зависти. Подняла взгляд, чтобы осмотреть себя в последний раз прежде, чем вернуться к Бену. Сердце пропустило удар, а потом рухнуло вниз, когда я встретила взглядом с уже знакомыми мне синими глазами.

– Хочешь присоединиться к ним, детка? – замираю, ощущая опаляющее кожу дыхание Тайлера за ухом. Я боюсь дышать, потому что даже с малейшим, едва уловимым вдохом в меня проникает его запах, действующий словно опиум. Словно яд, усыпляющий мой разум, делаю из меня примитивное животное, которое может довериться только своим инстинктам. И мои первобытные инстинкты вопреки разуму реагируют на этот мускусный с нотками сандала, амбры и кожи аромат слишком непредсказуемо.

Мне нравится запах его тела. Слишком. Настолько, что вопреки моему решению держаться от Тайлера подальше, какая-то часть меня хочет просто прижаться носом к его коже и продолжить терять разум, наслаждаясь тем, куда нас обоих это приведет.

Странное, необъяснимое чувство. Оно наполняет меня незнакомой чувственностью и отдается сладкой истомой внизу живота. Я мгновенно подавляю его силой мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.